ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА

ВЫПУСК VII

К. Г. Юнг (C. G. Jung)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Перевод Е. И. РУЗЕРА
Предисловие проф. Ив. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ и ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕД. ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.

Вып. I. **Freud, S.** Лекции по введению в психоанализ. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Вып. II. **Freud, S.** Лекции по введению в психоанализ. Т. II. Ц. 1 р. 30 к.
Вып. III. **Freud, S.** Основные психологические теории в психоанализе. Ц. 1 р. 25 к.
Вып. IV. **Freud, S.** Методика и техника психоанализа. Ц. 75 к.
Вып. V. **Freud, S., Jones, Hattinberg, Sadger.** Психоанализ и учение о характерах. Ц. 1 р.
Вып. VI. **Freud, S.** Тотем и табу. Ц. 1 р. 75 к.
Вып. VII. **Jung.** Психологические типы. Ц. 75 к.
Вып. VIII. **Freud, S.** Очерки по психологии сексуальности. Ц. 1 р. 20 к.
Вып. XI. **Freud, S.** Психоанализ детского возраста.
Вып. XIV. **Ермаков, Ив.** Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина. Ц. 1 р. 25 к.
Вып. XVI. **Ермаков, Ив.** Очерки по психологии творчества Н. В. Гоголя. Ц. 2 р. 50 к.

ГОТОВЯТСЯ И ПЕЧАТАЮТСЯ.

Вып. IX. **Freud, S.** Толкование сновидений.
Вып. X. **Freud, S.** Психоанализ слова и символика.
Вып. XII. **Kelsen, Federn, Kolnai.** Психоанализ и социология.
Вып. XIII. **Ермаков, Ив.** Гипнотизм.
Вып. XV. **Ермаков, Ив.** Органичность и выразительность в картине.
Вып. XVII. **Freud, S.** Воспоминания детства Леонардо да Винчи.
Вып. XVIII. **Green.** Психоанализ в школе.
Вып. XIX. **Hug-Helmuth.** Психическая жизнь ребенка.
Вып. XX. **Jones.** Неврозы и их лечение.
Вып. XXI. **Reik.** Проблема религии.
Вып. XXII. **Freud, S.** Градива.
Вып. XXIII. **Freud, S.** Психоанализ детских неврозов.
Вып. XXIV. **Bloch, J.** Половая жизнь нашего времени.
Вып. XXVII. **Bleuler.** Естественная история развития психики.
Вып. XXVIII. **Ермаков, Ив.** Анализ „Мертвых душ“ Гоголя.
Вып. XXIX. **Jose Jngenieros.** Принципы биологической психологии.
Вып. XXX. Сборник работ Детского дома „Международная солидарность“ Лаборатории Госуд. Психоаналитического Института.
Вып. XXXI. **White.** Основы психиатрии (психоанализ).
Вып. XXXII. **Wilfr, Lay.** Бессознательность в жизни ребенка.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА И. Д. ЕРМАКОВА
ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

К. Г. ЮНГ (C. G. JUNG)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

ПЕРЕВОД Е. И. РУЗЕРА
ПРЕДИСЛОВИЕ ПРОФ. ИВ. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ГИЗ № 7282. РОП. № 4104, Одесса. Напеч. 4000 экз.

3-я Гостипография им. т. Троцкого, ул. Ленина, 49.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый перевод книги Юнга (Jung) *„Psychologische Typen“* не является полным переводом означенного труда. Исходя из желания наибольшего распространения этой книги, редакция остановилась на полном переводе одной только последней части, той именно части, в которой Юнг дает описание психологических типов. Здесь Юнг, как исследователь и психотерапевт, имевший возможность благодаря своей профессии глубже заглянуть в психику человека, дает нам итоги своего исключительно богатого опыта в области установления типов. Из всех современных исканий в этой области мы до настоящего времени не имеем почти ничего более четкого и ясного, чем предлагаемые Юнгом экстравертированный и интровертированный типы. Вот почему классификация Юнга подхвачена целым рядом исследователей и в настоящее время, может быть, до известной степени даст направление дальнейшим работам, которые захотят итти путем исключительно психологическим. Это тем легче сделать, что сам Юнг затрагивает исключительно описательную часть типов, совершенно не касаясь и не предрешая вопроса о том, каков генезис этих типов. Его замечания относительно влияния врожденности (наследственности) и среды несомненно будут приняты большинством исследователей.

Не трудно было бы указать и на целый ряд недочетов в работе Юнга; я остановлюсь только на тех, с которыми пришлось встретиться в переведенной части. Книга Юнга не свободна от целого ряда резко полемических выступлений, носящих нередко чисто личный характер,—эти выпады мало вяжутся с остальным изложением. Выпады по адресу представителей других мировоззрений гораздо больше характеризуют самого Юнга, чем описываемые им типы, и поэтому редакция нашла возможным без ущерба для цельности и ценности работы пожертвовать некоторыми отдельными фразами в изложении.

Ценность работы Юнга заключается в том, что в ней поставлен вопрос о психологических типах; Фрейд до сих пор почти не касался этого вопроса, так как в его задачу не входила разработка психологии сознания (это дело будущего), он занят исследованием до него совершенно неизвестной области бессознательных влечений,—до Фрейда разработка этой области представляла огромные трудности, и здесь, в сущности, ничего не было сделано. Пристрастность в отношениях Юнга к Фрейду не мешает нам видеть в его книге много интересного, хотя, может быть, и не все в его взглядах является вполне установившимся.

Ив. Ермаков.

ВВЕДЕНИЕ.

> Платон и Аристотель! Это не только две системы, но и типы двух различных человеческих натур, которые, с незапамятных времен, облаченные в разные одеяния, более или менее враждебны одна другой. Они ожесточенно состязуются с начала средних веков и до нашего времени, и эта борьба составляет существеннейшее содержание церковной истории первых времен. Какие бы имена ни выставляла история, речь идет всегда только о Платоне и Аристотеле. Натуры мечтательные, мистические, платоновские, из тайников своей души создают христианские идеи и соответствующие им символы. Натуры практические, приводящие все в порядок, аристотелевские, созидают из этих идей и символов прочную систему, догматику и культ. Католическая церковь, наконец, замыкает в себе обе натуры, из которых одни создают себе крепость из клира, а другие—из монашества, однако, все время продолжают воевать друг с другом.
>
> *Г. Гейне.* Германия, I.

В моей практической врачебной работе с нервно-больными я уже давно заметил, что помимо многих индивидуальных различий человеческой психики существует также т и п и ч е с к о е р а з л и ч и е, и прежде всего два резко различных типа, названные мной т и п о м и н т р о в е р с и и и т и п о м э к с т р а в е р с и и.

Рассматривая течение человеческой жизни, мы видим, что судьбы одного обусловливаются преимущественно объектами его интересов, в то время как судьбы другого — прежде всего его собственной внутренней жизнью, его субъектом. Но так как все мы в известной степени отклоняемся в ту или другую сторону, то мы естественным образом расположены понимать все в смысле только нашего собственного типа.

Я с самого же начала упоминаю об этом обстоятельстве, чтобы предотвратить возможные недоразумения. Разумеется, это обстоятельство значительно затрудняет попытку общего описания типов. Мне следует расчитывать на большое расположение моего читателя, если я желаю, чтобы меня правильно поняли. Было бы относительно просто, если бы каждый читатель знал, к какой категории он сам принадлежит. Но нередко очень трудно решить, относится ли кто-нибудь к тому или другому типу, особенно, если вопрос идет о самом себе. Суждения о собственной личности всегда чрезвычайно неясны. Эти субъективные помрачения суждения особенно часты потому, что каждому выраженному типу присуща особая тенденция к компенсации односторонности его типа, тенденция, которая биологически целесообразна, так как она стремится удержать душевное равновесие. Благодаря компенсации возникают вторичные характеры или типы, которые представляют чрезвычайно трудно поддающийся разгадке образ; последнее является тем более трудным, что сами мы склонны вообще отрицать существование типов и признавать одни только индивидуальные различия.

Мне приходится упомянуть об этих трудностях, чтобы оправдать известную особенность моего дальнейшего изложения: могло бы казаться, что наиболее простым путем было бы описать два конкретных случая и, расчленив их, поставить их друг подле друга. Но каждый человек обладает обоими механизмами, экстраверсией и интроверсией, и только относительный перевес того или другого определяет тип. Нужно поэтому наложить сильную ретушь, чтобы придать картине необходимую рельефность, что уже ведет к более или менее невинному подлогу. К этому нужно прибавить, что психологическая реакция человека до того сложный предмет, что при моих способностях изложения мне едва ли удастся в полной мере дать абсолютно правильную картину ее. Поэтому я необходимейшим образом должен ограничиться изложением начал, которые я абстрагировал из подробных отдельных наблюдений. При этом дело идет не о дедукции a priori, как это могло бы казаться, а о дедуктивном изложении эмпирически приобретенных взглядов. Эти взгляды, как я надеюсь, послужат для некоторого разъяснения дилеммы, которая не только в аналитической психологии, но и в других областях науки и особенно в личных отношениях между людьми вела и все еще ведет к недоразумениям и к раздорам. Отсюда выясняется, почему существование двух различных типов есть собственно уже давно известный факт, который в той или другой форме

отличался то знатоком людей, то мучительной рефлексией мыслителя или представился, например, интуиции Гёте, как всеобъемлющий принцип систолы и диастолы. Термины и понятия, под которыми понимался механизм интроверсии и экстраверсии, очень различны и всегда приспособлены к точке зрения индивидуального наблюдателя. Несмотря на различие формулировок, всегда замечается общее в основном понимании, а именно движение интереса по направлению к объекту в одном случае и движение интереса от объекта к субъекту и к его собственным психическим процессам в другом случае. В первом случае объект действует на тенденции субъекта, как магнит, он притягивает их и в значительной мере обусловливает субъект; он даже настолько отчуждает субъект от него самого, так изменяет его качества в смысле приравнения к объекту, что можно подумать, будто объект имеет большее и в конечном счете решающее значение для субъекта, будто полное подчинение субъекта объекту является в известной мере абсолютным предопределением и особым смыслом жизни и судьбы. Во втором случае, наоборот, субъект является и остается центром всех интересов. Можно сказать, что получается впечатление, будто вся жизненная энергия направлена в сторону субъекта и поэтому всегда препятствует тому, чтобы объект приобрел какое бы то ни было влияние на субъект. Кажется, будто энергия уходит от объекта, будто субъект есть магнит, который хочет притянуть к себе объект.

Трудно охарактеризовать это противоположное поведение по отношению к объекту легко понятным, ясным образом, и существует большая опасность притти к совершенно парадоксальным формулировкам, которые ведут скорее к путаннице, нежели к ясности. Наиболее обще интровертированную точку зрения можно было бы обозначить как такую, которая при всех обстоятельствах старается личность и субъективное психологическое явление поставить выше объекта и объективного явления или, по крайней мере, утвердить их по отношению к объекту. Эта установка придает, поэтому, бо̀льшую ценность субъекту, чем объекту. Соответственно этому объект всегда находится на более низком уровне ценности, он имеет второстепенное значение, он иногда является только внешним объективным знаком субъективного содержания, как бы воплощением идеи, причем, однако, существенным является именно идея; либо же он является предметом эмоции, причем, однако, самое главное — это эмоциональное переживание, а не объект в его реальной индивидуальности. Экстравертированная

точка зрения, наоборот, ставит субъект ниже объекта, причем объекту принадлежит преобладающая ценность. Субъект пользуется всегда второстепенным значением, субъективное явление кажется иногда только мешающим и ненужным придатком к объективно происходящему. Ясно, что психология, исходящая из этих противоположных точек зрений, должна распасться на две совершенно различные ориентировки. Одна рассматривает все под углом зрения своего понимания, а другая—под углом зрения объективно происходящего.

Эти противоположные установки являются, прежде всего, только противоположными механизмами: диастолическое движение по направлению к объекту и восприятие объекта, систолическое концентрирование и отделение энергии от воспринятого объекта. Каждый человек обладает обоими механизмами, как выражением своего природного жизненного ритма, который Гёте, конечно, не случайно обозначил физиологическими понятиями, характеризующими деятельность сердца. Ритмическая смена обеих форм психической деятельности должна была бы соответствовать нормальному течению жизни. Сложные внешние условия, при которых мы живем, и быть может еще более сложные условия нашего индивидуального психического предрасположения редко, однако, допускают совершенно не нарушенное течение психической деятельности. Внешние обстоятельства и внутреннее предрасположение очень часто благоприятствуют одному механизму и ограничивают и ставят препятствия другому. Отсюда естественно происходит перевес одного механизма. Если это состояние каким-нибудь образом становится хроническим, то вследствие этого и возникает тип, т. е. привычная установка, в которой один механизм постоянно господствует, не будучи в состоянии, конечно, полностью подавить другой, так как он необходимо принадлежит к психической деятельности жизни. Поэтому, никогда не может существовать чистый тип в том смысле, что он полностью владеет одним механизмом при полной атрофии другого. Типическая установка всегда означает только относительный перевес одного механизма.

Констатированием интроверсии и экстраверсии впервые дана была возможность различать две обширные группы психологических индивидуумов. Но все таки эти группировки такого поверхностного и общего свойства, что они допускают только такое общее различение. Более точное исследование психологии тех индивидуумов, которые входят в ту или другую группу, тотчас показывает большие различия между отдельными индивидуумами, которые, несмотря на это, принадлежат к одной и той же группе. Поэтому

мы должны сделать еще один шаг, чтобы быть в состоянии определить, откуда происходят различия индивидуумов, относящихся к одной и той же группе. Мой опыт показал мне, что индивидуумов можно различать самым общим образом не только по универсальному различию экстраверсии и интроверсии, но и по отдельным основным психическим функциям. А именно, в такой же мере, как внешние обстоятельства и внутреннее предрасположение вызывают господство экстраверсии или интроверсии, они благоприятствуют также господству в индивидууме определенной основной функции. Основными функциями, т. е. функциями, которые существенно отличаются от других функций, являются, по моему опыту, мышление, эмоции, ощущение и интуиция. Если привычно господствует одна из этих функций, то появляется соответствующий тип. Поэтому я различаю мыслительный, эмоциональный, сенсорный и интуитивный типы. Каждый из этих типов кроме того может быть интровертированным или экстравертированным, смотря по своему поведению по отношению к объекту, так, как это было описано выше. В двух предварительных сообщениях [1]) о психологических типах я не придерживался изложенного здесь различения, но отожествлял мыслительный тип с интровертированным и эмоциональный тип с экстравертированным. Это смешение оказалось несостоятельным при более глубокой обработке проблемы. Во избежание недоразумений, я просил бы, поэтому, читателя иметь в виду проведенное здесь различение. Чтобы обеспечить необходимую ясность в столь сложных вопросах, я посвятил последнюю главу этой книги определению моих психологических понятий [2]).

---

[1]) Jung. *Contribution à l'étude des types psychologiques.* Arch. de Psychologie, I. XIII, p. 289.

Id. *Psychological Types.* Collected Papers on Analytical Psychologie. London. 1917, p. 287.

Id. *Psychologie der unbewussten Processe.* Zürich. II Auflage. 1918. S. 65.

[2]) Некоторые из этих определений, существенно необходимых для понимания работы Юнга, читатель найдет в конце этой книги, которая в предлагаемом выпуске библиотеки переведена не вся, а только в тех ее частях, которые имеют наиболее важное значение (выпущена очень значительная часть книги, а именно: 1) исторический обзор проблемы типов, как она понималась в древнем в средневековом мире, 2) идеи Шиллера о проблеме типов, 3) Аполлонийское и Дионисиевское, 4) проблема типов в познании человека, 5) проблема типов в искусстве, 6) проблема типов в психиатрии, 7) проблема типической установки в эстетике, 8) проблема типов в современной философии, 9) проблема типов в биографике). *Прим. ред.*

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ТИПОВ.

А. ВВЕДЕНИЕ.

Я хочу попытаться дать общее описание психологии типов Сначала это нужно сделать для обоих общих типов, которые я обозначил как интровертированный (introvertiert) и экстравертированный (extravertiert). Затем, в дополнение, я попытаюсь еще дать некоторую характеристику тех специальных типов, своеобразие которых определяется тем, что индивидуум приспособляется и ориентируется главным образом посредством наиболее развитой у него функции. Я бы обозначил первые как общие зависящие от установки типы, отличающиеся друг от друга направлением их интересов и движением их либидо, а последние — как функциональные типы.

Общие зависящие от установки типы различаются своей своеобразной установкой по отношению к объекту. Интровертированный относится к объекту абстрагирующе, он, взятый в своем основании, всегда озабочен тем, чтобы отнять либидо у объекта, как если бы он должен был предотвратить перевес объекта. Экстравертированный, наоборот, относится положительно к объекту. Он утверждает значение объекта тем, что свою субъективную установку он постоянно ориентирует на объект и относит к нему. Принятый за основание объект никогда не имеет для него достаточной ценности, и потому значение его необходимо повысить. Оба типа настолько различны, их противоположность так ясна, что существование их становится очевидным даже для профана в психологии, если когда-нибудь обратить на это его внимание. Всякому известны те замкнутые, с трудом постигаемые, часто застенчивые натуры, которые составляют сильнейшую противоположность другим — открытым, обходительным, часто веселым или, по крайней мере, приветливым и доступным характерам, которые со всеми уживаются или, если даже спорят, то все таки находятся в отношениях, позволяющих

на всех влиять или допускать их влияние на себя. Обычно рассматривают такие различия только как индивидуальные случаи своеобразного склада характера. Но кто имел случай основательно изучить многих людей, легко сделает открытие, что при этой противоположности дело совсем не идет об изолированных индивидуальных случаях, но скорее о типических установках, которые гораздо более общи, чем это можно предположить при ограниченном психологическом опыте. В действительности дело идет об основной противоположностп, которая более или менее отчетлива, но всегда заметна в индивидуумах с выраженной в известной степени личностью. Таких людей мы встречаем не только среди образованных, но вообще во всех слоях населения, вследствие чего наши типы можно обнаружить как среди рабочих и крестьян, так и среди высоко дифференцированных людей какой-нибудь нации. Точно так же и половые различия ничего не меняют в этом факте. У всех женщин обнаруживаются те же самые противоположности. Столь большое распространение едва ли могло бы иметь место, если бы дело шло об акте сознания, т. е. о сознательной и намеренно выбранной установке. В этом случае, конечно, определенный, связанный одинаковым воспитанием и образованием и соответственно этому пространственно ограниченный класс населения был бы преимущественным носителем такой установки. Дело, однако, обстоит совсем не так, но совершенно наоборот,—типы разделяются явно без разбора. В одной и той же семье один ребенок бывает интровертированным, а другой экстравертированным. Так как соответственно этим фактам, зависящий от установки тип, как общий и явно случайно распространенный феномен, не может быть следствием сознательного суждения или осознанного намерения, то он своим существованием должен быть обязан бессознательной, инстинктивной основе. Поэтому, противоположность типов, как общий психологический феномен, должна иметь каким-то образом свою биологическую предпосылку.

Отношение между субъектом и объектом, рассматриваемое биологически, является всегда п р и с п о с о б л е н и е м, так как всякое отношение между субъектом и объектом предполагает изменяющие воздействия одного на другой. Эти изменения составляют приспособление. Типические установки к объекту являются, поэтому, процессами приспособления. Природа знает два, в основе различных, пути приспособления и обусловленной этим возможности постоянного существования живого организма: один путь—это повышенная

плодовитость при сравнительно меньшей силе защиты и продолжительности жизни отдельного индивидуума, второй путь — это снабжение индивидуума многообразными средствами самосохранения при относительно меньшей плодовитости. Эта биологическая противоположность, как мне кажется, является не только аналогией, но и общим основанием обоих наших психологических модусов приспособления. Здесь я мог бы ограничиться общим указанием с одной стороны на свойство экстравертированного постоянно растрачивать себя и во всем распространяться, и, с другой стороны, на тенденцию интровертированного защищаться от внешних воздействий, по возможности воздерживаться от всяких затрат энергии, которые относятся непосредственно к объекту, чтобы этим создать самому себе возможно более обеспеченную и сильную позицию. Поэтому Блэк (Blake) интуитивно хорошо обозначил оба типа как «prolific» (плодородный) и «devouring type» (прожорливый тип). Как показывает общая биология, оба пути возможны и по своему успешны; то же можно сказать и о типических установках. То, что один осуществляет массовыми отношениями, другой достигает монополией.

Тот факт, что иногда даже дети в первые годы жизни с точностью обнаруживают типическую установку, заставляет предположить, что к определенной установке принуждает не борьба за существование, как ее обычно понимают. Конечно, можно было бы с достаточными основаниями возразить, что маленький ребенок и даже грудной младенец должны уже проделать психологическую работу приспособления бессознательного характера, так как своеобразие материнского влияния в особенности ведет у детей к специфическим реакциям. Этот аргумент может сослаться на неоспоримые факты, но становится, однако, шатким, если упомянуть о том, также бесспорном факте, что двух детей одной и той же матери уже очень рано можно отнести к противоположным типам, причем нельзя доказать ни малейшего изменения в установке матери. Хотя я ни в каком случае не хочу недооценивать бесконечную возможность родительского влияния, но все таки этот опыт принуждает меня к заключению, что решающий фактор следует искать в предрасположении ребенка. Наконец, именно индивидуальному предрасположению нужно приписать то, что при самых одинаковых, по возможности, внешних условиях, один ребенок образует один тип, а другой—другой тип. При этом, конечно, я имею в виду лишь те случаи, которые находятся в нормальных условиях. При

ненормальных условиях, т. е. там, где дело идет о крайне сильных и при этом ненормальных установках у матерей, детям может быть навязана относительно однородная установка насилием над их индивидуальным предрасположением, которое, быть может, избрало бы другой тип, если бы не помешали этому ненормальные внешние условия. Там, где имеет место такое обусловленное внешним влиянием извращение типа, индивидуум в дальнейшем по большей части становится невротическим, и его излечение возможно только через выявление естественно соответствующей индивидууму установки.

Что касается своеобразного предрасположения, то об этом я могу только сказать, что очевидно существуют индивидуумы, которые обладают большей легкостью или способностью, или которые с большей пользой приспособляются одним, а не другим образом. Для этого нужно было бы поставить вопрос о последних физиологических основаниях, недоступных нашему познанию. То, что такие основания возможны, кажется мне вероятным из опыта, показывающего, что изменение типа при известных обстоятельствах наносит большой вред физиологическому благополучию организма и часто является причиной сильного истощения.

В. ЭКСТРАВЕРТИРОВАННЫЙ ТИП.

Для краткости и ясности изложения необходимо при описании этого и последующих типов отделить психологию сознательного от психологии бессознательного. Мы обращаемся, поэтому, сначала к описанию феноменов сознания.

I. ОБЩАЯ УСТАНОВКА СОЗНАНИЯ.

Как известно, каждый ориентируется на данные, которые ему доставляет внешний мир; но мы видим, что это может происходить более или менее решающим образом. Один, вследствие того, что на улице холодно, считает необходимым надеть пальто, другой находит это излишним для целей своего закаливания; один восхищается новым тенором потому, что все им восхищаются, другой не восхищается им не потому, что он ему не нравится, а потому, что он держится мнения, что то, чем все восхищаются, далеко еще не достойно удивления; один подчиняется данным отношениям, потому что, как показывает опыт, ничто другое не возможно, другой же убежден, что если уже тысячу раз случилось так, то в ты-

сяча первый раз может произойти иначе и по новому, и т. д. Первый ориентируется на данные внешние факты, второй остается при мнении, которое становится между ним и объективно данным. Когда ориентировка на объект и на объективно данные перевешивает до того, что наиболее частые и главнейшие решения и поступки обусловлены не субъективными взглядами, а объективными отношениями, то говорят об экстравертированной установке. Если это бывает постоянно, то говорят об экстравертированном типе. Когда кто-нибудь так мыслит, чувствует и поступает, одним словом, так живет, как это непосредственно соответствует объективным отношениям и их требованиям, в хорошем и плохом смысле, то он экстравертированный. Он живет так, что объект, как детерминирующая величина, явным образом играет в его сознании бо̀льшую роль, чем его субъективное мнение. Конечно, он имеет субъективные взгляды, но их детерминирующая сила меньше, чем сила внешних объективных условий. Поэтому он никогда не думает встретить какой-нибудь безусловный фактор внутри самого себя, так как таковые ему известны только вне его. Подобно Эпиметею, его душа подчиняется внешним требованиям, конечно, не без борьбы; но дело кончается всегда в пользу внешних условий. Все его сознание глядит наружу, так как главное и решающее определение всегда приходит к нему извне. Из этой основной установки следуют, так сказать, все особенности его психологии, если только они не основаны на примате определенной психологической функции или на индивидуальных особенностях.

Интерес и внимание следуют за объективными событиями и прежде всего за теми из них, которые тесно его окружают. Не только лица, но вещи привлекают интерес. Соответственно этому, и поступки основываются на влиянии лиц и вещей. Они прямо обусловлены объективными данными и определяющими факторами и из них, так сказать, исчерпывающе объяснимы. Поступки явным образом обусловлены объективными обстоятельствами. Если даже поступки не являются простой реакцией на раздражения окружающей среды, то все таки они имеют характер применения к реальным отношениям и находят в рамках объективно данного достаточный и соответственный простор. Они совершенно лишены серьезных тенденций выйти за эти пределы. То же касается и интересов: объективные события представляют собою неистощимый источник раздражения, так что интерес нормально не требует ничего другого. Моральные законы поступков покрываются соответ-

ствующими требованиями общества, resp. господствующими моральными понятиями. Если бы господствующие воззрения были иными, то были бы другими и субъективные моральные направляющие тенденции, без того, чтобы что-нибудь изменилось в общем психологическом habitus'е. Эта строгая обусловленность объективными факторами не обозначает, как это могло бы показаться, полное или даже идеальное приспособление к условиям жизни. Конечно, экстравертированному взгляду такое применение (Einpassung) должно казаться полным приспособлением, так как такому взгляду не дано другого критерия. Но высшая точка зрения еще не говорит, что объективно данное при всех обстоятельствах является нормальным. Объективные условия могут быть исторически или пространственно ненормальными. Индивидуум, который применяется к этим отношениям, хотя подражает ненормальному характеру окружающей среды, но, в то же время, вместе со всем его окружающим, находится в нормальном положении по отношению к общеобязательным законам жизни. Единичный человек может, конечно, при этом процветать, но только до тех пор, пока он, со всем его окружающим не погибнет за прегрешения против общих законов жизни. В этой гибели он должен принять участие с такой же верностью, с какой прежде он применялся к объективным данным. У него есть применение, но не приспособление, так как приспособление требует большего, чем не вызывающее трений следование любым условиям непосредственно окружающего [Я ссылаюсь на Эпиметея Шпителлера (Spitteler)]. Оно требует соблюдения тех законов, которые более общи, чем местные и исторические условия. Простое применение представляет собой ограниченность нормального экстравертированного типа. Своей нормальности экстравертированный тип обязан, с одной стороны, тем обстоятельством, что он относительно без трений применяется к данным отношениям и естественно не имеет других претензий, кроме выполнения объективно данных возможностей, например, избрать профессию, которая в данном месте и в данное время представляет многообещающие возможности, или делать или производить то, в чем в данный момент нуждается окружающая среда и чего она ждет от него, или воздерживаться от всяких нововведений, если только они уж сами собой не напрашиваются, или как-нибудь иначе превзойти ожидания окружающего. Но, с другой стороны, его нормальность основана еще на том важном обстоятельстве, что экстравертированный считается с реальностью своих субъективных

потребностей и нужд. Его слабый пункт заключается именно в том, что тенденция его типа в такой мере направлена во вне, что из всех субъективных фактов даже наиболее связанный с чувствами, а именно телесное здоровье, как слишком мало объективный, как слишком мало «внешний», недостаточно принимается в соображение, так что необходимое для физического благосостояния удовлетворение элементарных потребностей более не имеет места. Вследствие этого страдает тело, не говоря уже о душе. Экстравертированный обычно мало замечает это последнее обстоятельство, но оно тем заметнее для близких, окружающих его домашних. Потеря равновесия становится для него чувствительной лишь тогда, когда появляются ненормальные телесные ощущения.

На этот ощутимый факт он не может не обратить внимания. Естественно, что он рассматривает его как конкретный и «объективный», так как для характеристики собственного склада ума у него не существует ничего другого. У других он тотчас замечает «воображение». Слишком экстравертированная установка может в такой степени не считаться с субъектом, что последний может быть весь принесен в жертву так называемым объективным требованиям, например, постоянному увеличению предприятия только потому, что имеются заказы и что необходимо выполнить представляющиеся возможности.

Опасность экстравертированного заключается в том, что он втягивается в объекты и сам в них совершенно теряется. Происходящие отсюда функциональные (нервные) или действительные телесные расстройства имеют компенсаторное значение, так как они принуждают субъекта к невольному самоограничению. Если симптомы функциональны, то они могут своими особенностями символически выражать психологическую ситуацию, например, у певца, слава которого быстро достигает опасной высоты, требующей от него несоразмерной затраты энергии, вследствие нервной задержки внезапно исчезают высокие тона. У человека, который, начав очень скромно, быстро достигает влиятельного и многообещающего социального положения психогенно появляются все симптомы горной болезни. Человек, намеревающийся жениться на женщине с очень сомнительным характером, которую он боготворит и очень сильно переоценивает, заболевает спазмами горла, принуждающими его ограничиться двумя чашками молока в день, каждую из которых он должен пить три часа. Это сильно препятствует ему посещать свою невесту, и он может заниматься только питанием своего тела.

У человека, который не дорос до тяжелой работы в необычайно разросшемся, благодаря его собственным заслугам, предприятии, появляются нервные припадки жажды, вследствие которых он скоро заболевает нервным алкоголизмом. Как мне кажется, истерия наиболее распространенный невроз экстравертированного типа. Классический истерический случай всегда характеризуется чрезмерными сношениями с окружающими лицами; характерной чертой является также прямо подражательное применение к обстоятельствам. Основная черта истерического характера — это постоянная тенденция быть интересным и производить впечатление на окружающих. Коррелатом к этому является вошедшая в поговорку внушаемость, доступность влиянию других лиц. Явная экстраверсия проявляется у истеричных и в сообщительности, которая иногда доходит до рассказов чисто фантастического содержания, откуда и происходят обвинения в истерической лжи. Истерический характер есть прежде всего преувеличение нормальной установки; но затем он усложняется, со стороны бессознательного, компенсаторными реакциями, которые телесными расстройствами принуждают к интроверсии преувеличенную против психической энергии экстраверсию. Благодаря реакциям бессознательного возникает другая категория симптомов, которые имеют более интровертированный характер. Сюда, прежде всего, относится болезненно повышенная деятельность фантазии. После этой общей характеристики экстравертированной установки обратимся теперь к описанию изменений, которые происходят в основных психологических функциях благодаря экстравертированной установке.

II. УСТАНОВКА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО.

Может показаться странным, что я говорю об «установке бессознательного». Как я это в достаточной степени объяснил, я мыслю себе отношение бессознательного к сознательному, как компенсаторное. Согласно такому взгляду, бессознательное так же может иметь установку, как и сознательное.

В предыдущей главе я упомянул о тенденции экстравертированной установки к некоторой односторонности, а именно о преимущественном положении объективного фактора в течении психического акта. У экстравертированного типа всегда есть искушение (мнимо) пожертвовать собою в пользу объекта, ассимилировать свой субъект с объектом. Я исчерпывающе указал на последствия, которые могут получиться из преувеличения экстравертированной

установки, именно на вредное подавление субъективного фактора. Поэтому следует ожидать, что психическая компенсация к сознательной экстравертированной установке особенно подчеркнет субъективный момент, т. е. мы должны будем доказать сильную эгоцентрическую тенденцию в бессознательном. Действительно, этому доказательству посчастливилось в смысле фактов в практическом опыте. Здесь я не вдаюсь в казуистику, а отсылаю к следующим главам, где я пытаюсь изобразить характерную установку бессознательного у каждого функционального типа. Так как в этой главе дело идет только о компенсации общей экстравертированной установки, то я ограничиваюсь общей характеристикой компенсирующей установки бессознательного. Установка бессознательного для действительного дополнения сознательной экстравертированной установки имеет свойство интровертирующего характера. Она концентрирует энергию на субъективном моменте, т. е. на всех потребностях и побуждениях, которые подавлены или вытеснены слишком экстравертированной сознательной установкой. Легко понять, как это уже должно было быть ясно из предыдущей главы, что ориентировка на объект и на объективно данное насилует множество субъективных побуждений, мнений, желаний и необходимостей и лишает их той энергии, которая естественно должна принадлежать им. Человек не машина, которую в каждом данном случае можно перестроить для совершенно другой цели и которая тогда, совершенно другим образом, будет так же правильно функционировать, как и прежде. Человек всегда носит с собою всю свою историю и историю человечества. Но исторический фактор выражает жизненную потребность, которой должна итти навстречу мудрая экономия. Все, что было до сих пор, должно как-нибудь сказаться в новом и сжиться с ним. Поэтому полная ассимиляция с объектом встречает протест уже раньше бывшего и существовавшего с самого начала. Из этого весьма общего рассуждения легко понятно, почему бессознательные требования экстравертированного типа имеют собственно примитивный и инфантильный, эгоистический характер. Когда Фрейд говорит о бессознательном, что оно может «только желать», то это в значительной степени касается бессознательного экстравертированного типа. Применение к объективно данному и ассимиляция с ним мешают осознанию недостающих субъективных побуждений. Эти тенденции (мысли, желания, аффекты, потребности, чувствования и т. д.) принимают, соответственно степени их вытеснения, регрессивный характер, т. е., чем менее они осознаны, тем более они

становятся инфантильными и архаическими. Сознательная установка лишает их того распределения энергии, которым они могут относительно располагать, и оставляет им лишь ту энергию, которую она не может отнять. Этот остаток, силу которого все таки не следует недооценивать, есть то, что нужно обозначить, как первоначальный инстинкт. Инстинкт нельзя изменить произвольными мероприятиями отдельного индивидуума; напротив, для этого потребовалось бы медленное органическое изменение многих поколений, так как инстинкт есть энергетическое выражение определенной органической наклонности. Таким образом, у каждой подавленной тенденции в конце концов остается значительная доля энергии, которая соответствует силе инстинкта; эта тенденция сохраняет свою действительность, хотя бы она стала бессознательной благодаря лишению энергии. Чем полнее сознательная экстравертированная установка, тем инфантильнее и архаичнее бессознательная установка. Грубый, сильно превосходящий детское и граничащий со злодейским, эгоизм, иногда характеризует бессознательную установку. Здесь мы находим в полном расцвете те кровосмесительные желания, которые описывает Фрейд. Само собою понятно, что эти вещи совершенно бессознательны и остаются также скрытыми для взоров неопытного наблюдателя, пока экстравертированная сознательная установка не достигнет более высокой степени. Но если происходит преувеличение сознательной точки зрения, то симптоматически появляется на свет и бессознательное, т. е. бессознательный эгоизм, инфантилизм и архаизм теряют свой первоначальный компенсаторный характер тогда, когда они становятся в более или менее открытую оппозицию к сознательной установке. Это проявляется прежде всего в абсурдном преувеличении сознательной точки зрения, которая должна служить для подавления бессознательного, но которая обыкновенно кончается reductio ad absurdum сознательной установки, т. е. крушением. Катастрофа может быть объективной, так как объективные цели постепенно искажались в субъективные. Так, например, один типограф благодаря долгому и тяжелому двадцатилетнему труду сделался из простого служащего самостоятельным владельцем значительного предприятия. Предприятие все более и более расширялось, он все более и более втягивался в него, в то время как все побочные интересы растворялись в этом деле. Это поглотило его и следующим образом привело к его гибели: в компенсации его исключительно деловых интересов ожили некоторые воспоминания из его детства. А именно, тогда он нахо-

дил большое удовольствие в живописи и рисовании. Вместо того, чтобы воспользоваться этой способностью, как компенсирующим побочным занятием, он провел ее в свое предприятие и начал фантазировать о «художественном» выполнении своих произведений. К несчастию, фантазии сделались действительностью; он начал действительно производить по своему собственному примитивному и инфантильному вкусу с таким успехом, что через несколько лет его предприятие погибло. Он действовал согласно нашему «культурному идеалу», по которому энергичный человек должен все сосредоточить на конечной цели. Он зашел, однако, слишком далеко и попал во власть субъективного инфантильного влечения.

Но катастрофическая развязка может быть еще и субъективного рода, в виде нервного потрясения. Последнее всегда происходит благодаря тому, что бессознательное противодействие в состоянии, наконец, парализовать сознательное действие. В этом случае требования бессознательного категорически навязываются сознанию и этим вызывают гибельное раздвоение, которое по большей части сказывается в том, что люди или не знают более, чего они собственно хотят, ни к чему не имеют охоты, или сразу хотят слишком многого, имеют слишком много охоты, но к тому, что невозможно. Необходимое, часто по культурным основаниям, подавление инфантильных и примитивных потребностей легко ведет к неврозу или к злоупотреблению наркотиками, как алкоголем, морфием, кокаином и т. д. В еще более тяжелых случаях раздвоение кончается самоубийством. Выдающееся свойство бессознательных тенденций заключается в том, что именно по мере того, как сознательным непризнаванием они лишаются своей энергии, они принимают разрушительный характер, как только перестают быть компенсаторными. Они перестают действовать компенсаторно тогда, когда достигнут состояния, соответствующего тому культурному уровню, который абсолютно несовместим с нашим уровнем. С этого момента бессознательные тенденции образуют блок, во всех отношениях противоположный сознательной установке, существование которого ведет к открытому конфликту. Тот факт, что установка бессознательного компенсирует установку сознания, обыкновенно выражается в психическом равновесии. Нормальная экстравертированная установка еще не означает, конечно, что индивидуум всегда и повсюду поступает по экстравертированной схеме. При всех обстоятельствах у того же индивидуума могут наблюдаться психические процессы, в которых является вопрос о механизме интро-

версии. Экстравертированным мы называем только тот habitus, в котором механизм экстраверсии перевешивает. В этом случае наиболее дифференцированная функция постоянно подвергается интровертированию, в то время как менее дифференцированные функции находятся в интровертированном употреблении, т. е. более полноценная функция наиболее осознана и подлежит контролю сознания и сознательного намерения, в то время как менее дифференцированные функции также и менее осознаны, resp. частью бессознательны и в гораздо меньшей степени подчинены сознательной воле. Более полноценная функция всегда является выражением сознательной личности, его намерения, его воли, его действия, в то время как менее дифференцированные функции относятся к тому, что случается с человеком. Это могут быть не прямые lapsus linguae или calami или другие промахи, но они могут проистекать из половины или трех четвертей намерений, так как менее дифференцированные функции обладают также меньшей сознательностью. Классическим примером этого является экстравертированный эмоциональный тип, который пользуется прекрасными отношениями с окружающими его, но которому иногда случается высказывать суждения беспримерной бестактности. Эти суждения происходят из его мало дифференцированного и мало сознательного мышления, которое лишь частично находится под его контролем и к тому же недостаточно обусловлено объектом и поэтому может действовать, совершенно ни с чем не считаясь.

Менее дифференцированные функции в экстравертированной установке всегда проявляют исключительную субъективную зависимость от сильно выраженного эгоцентризма и личного пристрастия, чем они обнаруживают свою близкую связь с бессознательным. В них бессознательное постоянно выступает на свет. Вообще, не следует себе представлять, что бессознательное всегда лежит погребенным под тем или другим количеством наслоений и некоторым образом может быть открыто только благодаря тщательным раскопкам. Бессознательное, напротив, постоянно вливается в сознательные психологические процессы и даже в такой высокой мере, что наблюдателю иногда трудно решить, какие свойства характера следует приписать сознательной личности и какие бессознательной. Это затруднение бывает, главным образом, с лицами, которые несколько богаче проявляются, чем другие. Конечно, многое еще зависит от установки наблюдателя, схватывает ли он скорее сознательный или бессознательный характер личности. В общем рассу-

дочно установленный наблюдатель скорее постигнет сознательный характер, в то время как перцепторно установленный наблюдатель подвергается больше влиянию бессознательного характера, так как наше суждение более интересуется сознательной мотивировкой психического процесса, в то время как восприятие регистрирует простое событие. Но так как мы в равной мере пользуемся восприятием и суждением, то легко может случиться, что какая-нибудь личность покажется нам в одно и то же время интровертированной и экстравертированной, так что мы не сумеем точнее указать, какой установке принадлежит более полноценная функция. В таких случаях правильному пониманию может помочь только основательный анализ свойств функции. При этом нужно обращать внимание на то, какие функции полностью подчиняются контролю и мотивации сознания, и какие функции имеют характер случайного и спонтанного. Первые функции всегда более высоко дифференцированы, чем последние, которые к тому же обладают несколько инфантильными и примитивными свойствами. Обыкновенно первые функции производят впечатление нормы, в то время как последние имеют в себе нечто ненормальное или патологическое.

III. ОСОБЕННОСТИ ОСНОВНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ В ЭКСТРАВЕРТИРОВАННОЙ УСТАНОВКЕ.

1. Мышление.

Вследствие общей экстравертированной установки мышление ориентируется на объект и на объективно данное. Эта ориентировка мышления вызывает ясно выраженную особенность. Мышление вообще питается с одной стороны субъективными, в конечном счете бессознательными источниками, с другой стороны—объективными данными посредством перцепции органов чувств. Экстравертированное мышление в гораздо большей степени определяется этим последним фактором, чем первым. Суждение всегда предполагает масштаб; для экстравертированного суждения действительным и определяющим является, главным образом, масштаб, взятый из объективных отношений, безразлично, выражаются ли они непосредственно объективным, чувственно воспринимаемым фактом, или объективной идеей, так как объективная идея есть также нечто внешне данное, взятое извне, даже когда она одобрена субъективно. Экстравертированное мышление, поэтому, вовсе не должно быть чисто конкретным фактическим мышлением, но может также хорошо быть

чисто идейным мышлением, если только доказано, что идеи, которыми мыслят, в значительной мере взяты извне, т. е. доставляются традицией, воспитанием и ходом образования. Критерий решения того, экстравертированно ли мышление, таким образом, состоит прежде всего в вопросе, какому масштабу следует суждение, доставляется ли он извне или субъективного происхождения. Дальнейший критерий состоит в направлении заключения, а именно в вопросе, имеет ли мышление преимущественно направление во вне или нет. Занятие мышления конкретными предметами не есть доказательство его экстравертированной природы, так как я могу мысленно заниматься конкретным предметом, в то время как я мышление мое абстрагирую от него или мое мышление через него конкретизирую. Если даже мое мышление занимается конкретными вещами и в этом отношении его можно назвать экстравертированным, то остается еще сомнительным и характерным, какое направление примет мышление, а именно, приведет ли оно в своем дальнейшем течении снова к объективным данным, к внешним фактам или общим уже данным понятиям, или нет. Для практического мышления купца, техника, естествоиспытателя направление на объект само собою понятно. При рассмотрении мышления философа может явиться сомнение, если направление его мышления имеет целью идеи. В таком случае нужно исследовать, с одной стороны — не являются ли эти идеи простой абстракцией из опытов над объектом и, таким образом, представляют ничто иное, как более высокие коллективные понятия, которые заключают в себе сумму объективных фактов; с другой стороны, нужно исследовать, не получаются ли эти идеи (когда они не являются очевидными абстракциями из непосредственного опыта) через традицию, или не происходят ли они из окружающего духовного мира. Если на этот вопрос отвечать утвердительно, то такие идеи также принадлежат к категории объективных данностей, и, следовательно, это мышление следует назвать экстравертированным.

Хотя я предполагал изложить сущность интровертированного мышления не здесь, а в одной из следующих глав, однако, мне кажется все же необходимым дать теперь некоторые разъяснения об этом мышлении. Потому что, если хорошо подумать о том, что я выше сказал об экстравертированном мышлении, то можно легко притти к заключению, что я, пожалуй, подразумеваю под ним вообще все то, что понимают под мышлением. Мышление, которое не направлено ни на объективные факты, ни на общие идеи, не заслу-

живает, можно сказать, имени «мышления». Я сознаю, что наше время и его выдающиеся представители знают и признают только экстравертированный тип мышления. Это происходит частью потому, что обыкновенно всякое мышление, которое проявляется на поверхности мира в форме науки, философии или даже искусства, либо происходит прямо из объекта, либо впадает в общие идеи. На том и другом основании оно кажется, если не всегда верным, то все таки в главном понятным и, следовательно, относительно пригодным. В этом смысле можно сказать, что известен, собственно, только экстравертированный интеллект, именно тот, который ориентируется на объективно данное. Но существует, однако, — здесь я начинаю говорить об интровертированном интеллекте — еще совсем другой род мышления, которому с трудом можно отказать в названии «мышления», тот род, который не ориентируется ни на непосредственный объективный опыт, ни на объективно полученные идеи. Я прихожу к этому другому роду мышления следующим образом: когда я мысленно занимаюсь конкретным объектом или общей идеей, а именно таким образом, что направление моих мыслей в конце концов опять приводит к моему предмету, то это интеллектуальное явление не есть единственный психический процесс, который в то мгновение происходит во мне. Я оставляю в стороне все возможные ощущения и чувствования, которые замечаются при ходе моих мыслей, более или менее нарушая его, и указываю на то, что ход моих мыслей, исходящий от объективно данного и стремящийся к объективному, кроме того постоянно находится в отношении к субъекту. Это отношение есть conditio sine qua non, так как без него ход мыслей вообще не может иметь места. Если даже ход моих мыслей направляется на объективно данное со всей возможной силой, то он все таки м о й субъективный ход мыслей, который не может ни помешать вмешательству субъективного, ни обойтись без него. Даже когда я думаю о том, чтобы придать ходу моих мыслей во всех отношениях объективное направление, я все таки не могу препятствовать субъективному параллельному процессу и его постоянному участию, без того чтобы не уничтожить ход моих мыслей. Этот процесс имеет естественную и только более или менее устранимую тенденцию субъективировать объективно данное, т. е. ассимилировать с субъектом. Если же главный акцент падает на субъективный процесс, то получается тот другой род мышления, который противоположен экстравертированному типу, а именно ориентированное на субъект и на субъективно данное направление, кото-

рое я называю интровертированным. Из этой ориентировки происходит мышление, которое не определяется объективными фактами и не направлено на объективно данное, т. е. мышление, которое исходит из действительно данного и направляется на субъективные идеи или факты субъективного характера. Я не хочу подробно рассматривать здесь это мышление, хочу только установить его существование, чтобы дать этим необходимое дополнение к экстравертированному ходу мыслей и тем объяснить его сущность. Экстравертированное мышление осуществляется, следовательно, только тем, что объективная ориентировка получает некоторый перевес. Это обстоятельство ничего не изменяет в логике мышления, оно является только причиной того различия между мыслителями, которую Джемс (James) связывал с темпераментом. Ориентирование на объект изменяет, как было сказано, не сущность функции мышления, а только его проявление. Так как оно ориентировано на объективно данное, то оно кажется связанным с объектом, как если бы оно не могло существовать без внешнего ориентирования. Оно кажется как будто следствием внешних фактов, или оно повидимому достигает своей высоты, когда выливается в общепризнанную идею. Кажется, будто оно постоянно находится под воздействием объективно данного и может выводить свои заключения только в согласии с ним. Поэтому оно производит впечатление связанности, а иногда и близорукости, несмотря на всю подвижность в пространстве, ограниченном объективными пределами.

То, что я описываю здесь, есть только впечатление, производимое проявлениями экстравертированного мышления на наблюдателя, который должен стоять на другой точке зрения уже потому, что иначе он не сможет наблюдать проявления экстравертированного мышления. Вследствие другой своей точки зрения, он видит также только проявление, а не его сущность. Но кто сам проник в существо этого мышления, тот в состоянии понять его сущность, однако, не его проявление. Суждение только по проявлению (внешности) не может быть правильным по отношению к сущности, и поэтому оно по большей части выходит отрицательным. Но, по существу, это мышление не менее продуктивное и творческое, чем мышление интровертированное, только оно служит другим целям, чем это последнее. Это различие особенно чувствуется тогда, когда экстравертированное мышление берется за тему, которая является специфическим предметом субъективно ориентированного мышления. Этот случай наблюдается тогда, когда,

например, субъективное убеждение объясняется аналитически из объективных фактов или как следствие и вывод из объективных идей. Но различие между обоими родами мышления становится еще заметнее для нашего естественно-исторически ориентированного сознания, когда субъективно ориентированное мышление пытается включить объективно данное в связи, которые объективно не даны, т. е. подчинить его субъективной идее. И то и другое производит впечатление самоуправства, при чем выступают теневые стороны того воздействия, которое оба рода мышления имеют друг на друга. Субъективно ориентированное мышление кажется в таком случае чистым произволом, а экстравертированное мышление, наоборот, плоской и банальной несообразностью. Поэтому обе точки зрения ведут непрерывную войну друг против друга. Можно было бы думать, что этому спору легко положить предел, отделив предметы субъективного характера от предметов объективного характера. К сожалению, такое разделение—вещь невозможная, хотя некоторые пробовали его произвести. Если бы такое разделение было даже возможным, то оно явилось бы большим бедствием, так как оба ориентирования односторонни и только до известной степени самостоятельны; вот почему они нуждаются во влиянии друг на друга. Когда объективно данное в несколько более высокой степени подчиняет мышление своему влиянию, то оно стерилизует мышление, принижая его до простого придатка к объективно данному, так что оно во всех отношениях не в состоянии более освободиться от объективного данного для образования отвлеченного понятия. Процесс мышления ограничивается в таком случае простым «думается» (Nachdenken), не в смысле «размышления» (Überlegung), а в смысле простой имитации, которое по существу показывает только, что уже очевидно и непосредственно имеется в объективно данном. Такой мыслительный процесс естественно приводит обратно непосредственно к объективно данному, но никогда не выводит из него и, следовательно, никогда не приводит к присоединению опыта к объективной идее; и наоборот, когда это мышление имеет предметом объективную идею, то оно не в состоянии достигнуть единичного практического опыта, но остается в одном и том же более или менее тавтологическом состоянии.

Когда экстравертированное мышление, вследствие усиленной определяющей тенденции объекта, подчиняется объективно данному, то оно совершенно теряется в единичном опыте и производит накопление непереваренного эмпирического материала. Подав-

ляющая масса более или менее бессвязных единичных опытов создает состояние мыслительной диссоциации, которая обычно, с другой стороны, требует психологической компенсации. Она состоит в настолько же простой и общей идее, которая должна помочь связать собранное, но внутренне не связанное целое, или по крайней мере почувствовать такую связь; для этой цели подходящими идеями являются «материя» или «энергия». Если же мышление не так сильно связано с внешними фактами, как с полученной идеей, то из компенсации бедности этого мышления получается еще более выразительное накопление фактов, которые односторонне группируются согласно относительно ограниченной и бесплодной точки зрения, благодаря чему совершенно пропадают многие ценные и глубокие стороны вещей. Головокружительное изобилие так называемой научной литературы наших дней, к сожалению, в значительном проценте обязано своим существованием этому неправильному ориентированию.

2. Экстравертированный мыслительный тип.

Как показывает опыт, основные психологические функции редко или почти никогда не имеют равной силы или одинаковой степени развития у одного и того же индивидуума. Обычно та или другая функция перевешивает как в силе, так и в развитии. Когда мышлению принадлежит преимущество среди психологических функций, т. е. когда индивидуум действует в своей жизни главным образом под руководством рассудочного мышления, так что все сколько-нибудь важные поступки исходят из интеллектуально обдуманных мотивов, или, по крайней мере, должны происходить согласно этой тенденции,—то дело идет о мыслительном типе. Такой тип может быть интровертированным или экстравертированным; здесь мы займемся сначала экстравертированным мыслительным типом. Таковым, следовательно, согласно определению, будет человек, который имеет стремление,—конечно, лишь в такой степени, в какой он является чистым типом—ставить все свои проявления жизни в зависимость от интеллектуальных выводов, которые в конце концов всегда ориентируются на объективно данное или на объективные факты, или на общепризнанные идеи. Человек этого типа придает не только самому себе, но и окружающему его, в зависимости от объективной действительности, resp. ее объективно ориентированной интеллектуальной формуле, решающую силу. По этой формуле измеряется добро и зло, определяется

прекрасное и безобразное. Правильно все, что соответствует этой формуле, неправильно—то, что ей противоречит, и случайно—что приходит со стороны, независимо от нее. Так как эта формула кажется соответствующей мировому духу, то она становится также мировым законом, который должен осуществляться всегда и везде, в частном и общем. Так же как экстравертированный мыслительный тип подчиняется своей формуле, должно подчиняться ей и все его окружающее для своего собственного благополучия, так как тот, кто этого не делает—неправ, он сопротивляется мировому закону и поэтому безрассуден, безнравственен и бессовестен. Его мораль запрещает экстравертированному мыслительному типу терпеть исключения, так как его идеал должен осуществляться при всех обстоятельствах, потому что он, как ему кажется, есть чистейшая формулировка объективной действительности и должен поэтому быть общепризнанной истиной, необходимой для блага человечества. Это должно происходить не благодаря любви к ближнему, а благодаря высшей точке зрения справедливости и истины. Все, что в своей собственной природе кажется противоречащим этой формуле, есть несовершенство, случайная оговорка, которая при ближайшем случае будет отброшена, или, если это не удастся, объявлена патологической. Когда терпимость к больному, страдающему, ненормальному входит в формулу, то для этого вводятся специальные учреждения, например, станции для спасания утопающих, госпитали, тюрьмы, колонии и т. д., resp. планы и проекты к этому. Для действительного осуществления обыкновенно являются недостаточными мотивы справедливости и истины, для этого требуется еще настоящая любовь к ближнему, которая более связана с эмоциями, чем с интеллектуальной формулой. «Нужно было бы, собственно говоря» или «следовало бы» играет большую роль. Если же формула достаточно широка, то этот тип может играть чрезвычайно полезную для социальной жизни роль реформатора, общественного обвинителя и очистителя нравов или проповедника серьезных нововведений. Чем уже, однако, формула, тем более этот тип становится брюзгою, мудрствующим и самодовольным критиком, который хотел бы себя и других втиснуть в какую нибудь схему. Этим даны два крайних пункта, между которыми движется большинство этих типов.

Соответственно сущности экстравертированной установки, поступки и суждения этих личностей тем благоприятнее или лучше, чем далее вовне они находятся. Лучший их аспект находится на

периферии их сферы действия. Чем глубже проникают в пределы их власти, тем заметнее делаются неблагоприятные последствия их тирании. На периферии пульсирует еще другая жизнь, которая ощущает истинность формулы, как ценное дополнение к остальному. Но чем глубже проникают в пределы власти формулы, тем более умерщвляется всякая жизнь, не соответствующая формуле. По большей части тяжелые последствия экстравертированной формулы начинают испытывать ближайшие родственники, так как, неизбежно, они первые получают все удовольствия от нее. Но чаще всего страдает от этого сам субъект, и здесь мы приходим к другой стороне психологии этого типа.

То обстоятельство, что интеллектуальная формула никогда не существовала и никогда не будет существовать,—формула, которая могла бы захватить и точно выразить полноту жизни и ее возможностей,—препятствует осуществлению, resp. исключает другие важные формы и акты жизни. У человека этого типа прежде всего подавляются все формы жизни, зависящие от эмоций, например, эстетические переживания, вкус, склонность к искусству, культивирование дружбы и т. д.,—иррациональные формы, как религиозный опыт, страсти и т. п., часто уничтожающиеся до полной бессознательности. Эти при некоторых обстоятельствах чрезвычайно важные формы жизни поглощают большую часть бессознательного бытия. Хотя и существуют исключительные люди, которые могут принести всю свою жизнь в жертву определенной формуле, но большая часть не в состоянии провести такую исключительность через всю свою жизнь. Рано или поздно, благодаря внешним обстоятельствам или внутреннему предрасположению, косвенно сделаются заметными подавленные интеллектуальной установкой формы жизни, так как они нарушали сознательный образ жизни. Если это нарушение достигает значительной степени, то говорят о неврозе. В большинстве случаев дело, конечно, не заходит так далеко, так как индивидуум инстинктивно позволяет себе некоторое предупреждающее смягчение формулы, все таки пользуясь удобной умственной маскировкой. Этим создается предохранительный клапан.

Вследствие частичной или полной бессознательности выключенных сознательной установкой тенденций и функций эти последние остаются в относительно неразвитом состоянии. Они неполноценны по сравнению с сознательными функциями. Поскольку они бессознательны, они сливаются с остальным содержанием бессознательного, вследствие чего они принимают странный характер.

Поскольку они сознательны, они играют второстепенную роль, хотя они представляют большое значение для общей психологической картины. Исходящему из сознания торможению подвергаются прежде всего эмоции, так как они прежде всего противоречат застывшей интеллектуальной формуле, вследствие чего они наиболее интенсивно подавляются. Ни одна функция не может быть совершенно исключена; она может быть только значительно искажена. Поскольку эмоции произвольно могут образоваться и подчиняться, они должны поддерживать интеллектуальную установку сознания и применяться к ее намерениям. Однако, это возможно только до известной степени; часть эмоций остается непослушной и должна, поэтому, подвергаться подавлению. Если подавление удается, то они ускользают от сознания и развивают ниже порога сознания противоречащую сознательным намерениям деятельность, достигающую при некоторых обстоятельствах эффектов, появление которых составляет полную загадку для индивидуума. Так, например, сознательный, часто исключительный альтруизм перекрещивается с тайным, скрытым от самого индивидуума эгоизмом, который накладывает печать своекорыстия на бескорыстные, по существу, поступки. Чистые этические намерения могут привести индивидуума в критические положения, в которых иногда ясна решающая роль совсем иных мотивов, чем этические. Добровольные спасители или охранители нравов неожиданно сами нуждаются в спасении или являются скомпрометированными. Их намерение спасти легко приводит их к пользованию средствами, которые способны вызвать как раз то, чего хотелось бы избежать. Существуют экстравертированные идеалисты, которые так сильно стремятся осуществить свой идеал спасения людей, что сами не останавливаются перед ложью и другими недобросовестными средствами. В науке существует много грустных примеров, когда высоко заслуженные исследователи из глубочайшего убеждения в истинности и универсальности своей формулы совершали подлог доказательств в пользу своего идеала. Это—по формуле: цель оправдывает средства. Только неполноценная эмоциональная функция, которая бессознательно соблазняет, может ввести в такое заблуждение в общем высоко стоящих людей.

Неполноценность эмоционального чувства выражается у этого типа еще другим образом. Сознательная установка, как это соответствует преобладающей объективной формуле, более или менее безлична, часто в такой степени, что личные интересы от этого

значительно страдают. Если сознательная установка достигает крайней степени, то индивидуальные отношения, в том числе и те, которые касаются собственной личности, не принимаются во внимание. Пренебрегают здоровьем, социальное положение приходит в упадок, часто нарушают самые жизненные интересы собственной семьи, вредят здоровью, финансам и морали, — все это ради служения идеалу. Во всяком случае нет достаточного личного участия к другим, если только они случайно не являются ревнителями той же самой формулы. Поэтому нередко бывает, что более тесный семейный круг, например, собственные дети, знают такого отца только как мрачного тирана, в то время как более широкое общество с похвалой отзывается о его человечности. Не вопреки высокой безличности сознательной установки, а как раз благодаря ей, эмоции, — в том, что касается личности, — являются бессознательно чрезвычайно чувствительными и бывают причиной некоторых скрытых предубеждений, именно, известной готовности, например, принимать объективную оппозицию против формулы за личное недоброжелательство или постоянно предполагать отрицательные качества в другом лице, чтобы этим наперед лишить силы его аргументы, конечно, для защиты собственной чувствительности. Благодаря бессознательной чувствительности, тон речи очень часто подымается, обостряется, становится агрессивным. Нередко появляются инсинуации. Эмоции, как это соответствует неполноценной функции, имеют характер дополнения, следования за событиями. Отсюда происходит ясно выраженное предрасположение к неприязни. Каким бы прекрасным ни было личное самопожертвование для интеллектуальной цели, эмоции все таки будут мелочно недоверчивы, капризны, консервативны. Все новое, что уже не заключается в формуле, будет рассматриваться через завесу бессознательной ненависти и соответственно этому обсуждаться. В середине прошлого столетия известный своей гуманностью врач грозил уволить ассистента за то, что тот употреблял термометр; потому что формула гласит: лихорадку узнают по пульсу. Подобные факты известны в большом числе. Чем сильнее подавляются эмоции, тем хуже и скрытнее они влияют на мышление, которое в остальном может быть безупречно организовано. Интеллектуальная точка зрения, которая, может быть, вследствие своей фактической ценности могла бы требовать всеобщего признания, под влиянием бессознательной личной чувствительности испытывает характерное изменение: она становится догматически застывшей. Самоутвер-

ждение личности переносится на нее. Истина не предоставляется более своему естественному действию, но, через идентификацию ее с субъектом, она трактуется как чувствительная куколка, которой злой критик причиняет боль. Критика разносят, по возможности еще с личными наветами, и, при известных обстоятельствах, нет достаточно плохого аргумента для того, чтобы им не воспользоваться. Истину следует довести до того состояния, пока публике не станет ясно, что дело явно идет не столько об истине, сколько о личности ее творца.

Догматизм интеллектуальной точки зрения испытывает иногда— через бессознательное вмешательство бессознательных личных эмоций — еще дальнейшие своеобразные изменения, которые покоятся не столько на эмоциях sensu strictori, сколько на вмешательстве других бессознательных факторов, которые слиты в бессознательном с подавленными эмоциями. Несмотря на то, что сам разум доказывает, что всякая интеллектуальная формула является лишь с известными ограничениями действительной истиной и поэтому никогда не может предъявлять требование на единовластие, практически все таки формула берет такой перевес, что рядом с нею другие точки зрения и возможности отступают на задний план. Она заменяет всякое более общее, менее определенное и поэтому более скромное и истинное мировоззрение. Она выступает поэтому на место того общего воззрения, которое называют религией. Благодаря этому формула становится религией, если даже по своей сущности она совершенно не имеет дела с чем-нибудь религиозным. Этим также она приобретает присущий религии характер безусловности. Она становится, так сказать, интеллектуальным суеверием. Но все те психологические тенденции, которые ею подавляются, накапливаются как противодействие в бессознательном и вызывают приступы сомнения. Для защиты от сомнения сознательная установка становится фанатичной, так как фанатизм есть ничто иное, как слишком компенсированное сомнение. Это развитие ведет в конце концов к преувеличению защищенной сознательной позиции и к образованию абсолютно противоположной бессознательной позиции, которая, например, в противоположность сознательному рационализму — чрезвычайно иррациональна, в противоположность современной научности сознательной точки зрения— чрезвычайно архаична и суеверна. Вследствие этого происходят те известные из истории наук ограниченные и смешные взгляды, о которые в конечном результате споткнулись многие высоко-

заслуженные исследователи. Часто бессознательная сторона воплощается у такого человека в женщине.

Этот, вероятно, хорошо известный читателю тип встречается, согласно моему опыту, главным образом среди мужчин, так как вообще мышление—функция, преобладающая у мужчины и гораздо более свойственная ему, чем женщине. Когда у женщины мышление достигает господства, то дело идет, насколько я могу судить, скорее о мышлении, которое является последствием преобладающей интуитивной духовной деятельности.

Мышление экстравертированного мыслительного типа позитивно. Это значит—оно творит. Оно ведет либо к новым фактам, либо к общему пониманию диспаратного опытного материала. Его суждения в общем синтетичны. Даже в том случае, если оно разлагает—оно строит, благодаря тому, что оно всегда стремится через разложение к некоторым новым связям, в которых снова соединяется разложенное другим образом, или благодаря тому, что к данному предмету прибавляется нечто новое. Этот род суждения можно, поэтому, в общем назвать предикативным. Во всяком случае, характерно то, что оно никогда совершенно не обесценивает и не разрушает, но постоянно заменяет одну разрушенную ценность другой. Это свойство обусловлено тем, что мышление мыслительного типа является, так сказать, каналом, в котором главным образом протекает его жизненная энергия. В его мышлении проявляется всегда стремящаяся вперед жизнь, отчего его мысли получают прогрессивный доказательный характер. Его мышление не застаивается и не регрессивно. Таковы свойства мышления, когда не ему принадлежит первенство в сознании. Так как в этом случае оно до известной степени лишено значительности то оно также не имеет характера позитивной жизненной деятельности. Оно следует за другими функциями; оно делается эпиметическим, так как оно становится как бы «задним умом», который всегда довольствуется тем, что он переживает, обдумывает прошлое и уже случившееся, его расчленяет и переваривает. Так как в этом случае творческая сила принадлежит другой функции, то мышление больше не прогрессирует, а стоит на одном месте. Его суждение принимает ясно выраженный характер ингерентности, присущности (Inhäranzcharakter), т. е. оно совершенно ограничивает себя объемом своего предмета, нигде не выходя за его границы. Оно удовлетворяется более или менее абстрактным констатированием, не прибавляя предмету опыта какую-нибудь ценность, которая уже

раньше не заключалась бы в нем. Ингерентное суждение экстравертированного мышления ориентировано на объект, т. е. его констатирование происходит всегда в смысле объективного значения опыта. Поэтому оно остается не только под ориентирующим влиянием объективно данного, но оно остается даже во власти единичного опыта и высказывает о нем только то, что уже дано благодаря этому опыту. Это мышление не трудно наблюдать у людей, которые под влиянием впечатления или опыта не преминут сделать разумное и без сомнения очень верное замечание, которое, однако, ни в чем не выходит за пределы данного объема опыта. Такое замечание в своей основе заявляет только: «я это понял, я могу об этом подумать». Но на этом оно останавливается. Такое суждение в лучшем случае означает включение опыта в некоторую объективную связь, причем, однако, опыт очевидно уже входит в эти рамки.

Если, однако, первенством в сознании в несколько более высокой степени обладает какая-нибудь другая функция, а не мышление, то мышление, поскольку оно тогда вообще сознательно и поскольку оно не находится в прямой зависимости от господствующей функции, принимает негативный характер. Поскольку мышление подчинено господствующей функции, оно, конечно, может казаться позитивным, но ближайшее исследование может легко показать, что оно просто повторяет господствующую функцию, подкрепляет ее аргументами, часто в явном противоречии со свойственными мышлению законами логики. Это мышление, таким образом, не входит теперь в наше рассмотрение. Мы занимаемся скорее свойствами того мышления, которое не может подчиниться первенству другой функции, но остается верным своему собственному принципу. Трудно наблюдать и исследовать это мышление, потому что в конкретном случае оно постепенно более или менее подавлено установкой сознания. Его нужно поэтому, в большинстве случаев, сначала извлечь из глубин сознания, если только оно случайно в момент забывчивости не всплывает на поверхность. По большей части его нужно вызвать вопросом: «но что собственно вы думаете в основании и в глубине самого себя об этом предмете?» Или нужно даже применить хитрость и вопрос формулировать приблизительно так: «как вы полагаете, что я думаю об этом предмете?» Эту последнюю форму вопроса следует выбрать именно тогда, когда настоящее мышление бессознательно и поэтому его необходимо проецировать. Вызванное таким образом на поверхность со-

знания мышление имеет характерные свойства, почему я назвал его негативным. Его habitus лучше всего характеризуется словами «ничто иное как». Гёте олицетворил это мышление в образе Мефистофеля. Прежде всего оно проявляет тенденцию свести предмет суждения к какой-нибудь пошлости и лишить его собственного самостоятельного значения. Это происходит благодаря тому, что его изображают как зависящий от другой банальности. Если между двумя мужчинами происходит конфликт, повидимому, объективного характера, то негативное мышление говорит: «Cherchez la femme». Если кто-нибудь защищает или распространяет какой-нибудь факт, то негативное мышление спрашивает не о значении факта, а «сколько ему платят за это?» Приписываемые Молешоту (Moleschott) слова: «человек есть то, что он ест», относятся равным образом к этому разряду, как и многие другие изречения и воззрения, которых дословно нет необходимости приводить. Деструктивность этого мышления, как и его в каждом данном случае ограниченная польза, не нуждается в дальнейшем объяснении. Существует еще другая форма негативного мышления, которую на первый взгляд едва можно признать таковым, это — теософское мышление, в настоящее время быстро распространившееся во всех частях света, может быть, как реакция на материализм непосредственно предшествовавшей эпохи. Кажется, что теософское мышление совсем не принижает, а возвышает все до трансцендентных и миропостигающих идей. Сновидение, например, это уже не простое сновидение, а переживание в некоторой «другой плоскости». Пока еще необъяснимые факты телепатии объясняются очень просто «вибрациями», которые идут от одного к другому. Обыкновенное нервное расстройство очень просто объясняется тем, что с астральным телом что-то случилось. Известные антропологические свойства жителей атлантического побережья легко объясняются погружением в океан Атлантиды и т. п. Достаточно раскрыть теософскую книгу, чтобы подавить сознание тем, что все уже объяснено и что «наука о духе» не оставила вообще никаких загадок. Когда причину сновидения сводят к переполненному желудку, то этим еще не объяснено самое сновидение, и когда телепатию объясняют как «вибрацию», то этим так же мало выясняется сущность процесса. Действительно, что такое «вибрация»? Оба способа не только бессильны объяснить, но они еще деструктивны, так как они мешают серьезному исследованию проблем тем, что они ложным объяснением лишают предмет интереса и обращаются в пер-

вом случае к желудку, а во втором к воображаемым вибрациям. Оба рода мышления бесплодны. Негативное качество основано на том, что это мышление бедно доказующей и творческой энергией, оно тащится на буксире у других функций.

3. Эмоции.

Эмоции в экстравертированной установке ориентируются на объективно данное, т. е. объект является необходимым определителем рода чувствования. Они находятся в согласии с объективными ценностями. Кому знакомы эмоции только как субъективные состояния, тот не поймет непосредственно сущности экстравертированного чувствования, так как экстравертированное чувствование, насколько могло, освободилось от субъективного фактора и тем всецело подчинилось влиянию объекта. Даже там, где оно кажется независимым от качества конкретного объекта, оно все таки находится во власти традиционной или какой-либо иной имеющей общее значение оценки. Я могу чувствовать, что меня влечет к предикату «красивый» или «хороший» не потому, что я из субъективного эмоционального переживания нахожу объект «красивым» или «хорошим», но потому, что подходит назвать его «красивым» или «хорошим»; и именно подходит постольку, поскольку противоположное суждение в той или иной мере нарушает общее положение эмоций. При таком применяющемся эмоциональном суждении дело идет вовсе не о симуляции или о лжи, но об акте приспособления. Так, например, картину можно назвать красивой, потому что вообще предполагается, что, вися в салоне, подписанная известным художником картина — красива, или потому, что предикат «безобразный» может огорчить семью счастливого обладателя, или потому, что среди посетителей имеется намерение создать приятную эмоциональную атмосферу, для чего необходимо, чтобы все казалось приятным. Такие эмоции направлены согласно объективным определителям. Они, как таковые, подлинны и выражают всю наличную эмоциональную функцию. Точно так же, как экстравертированное мышление освобождается насколько возможно от субъективных влияний, экстравертированное чувствование должно пройти известный процесс дифференциации, пока оно не избавится от всякой субъективной примеси. Полученные через эмоциональный акт оценки соответствуют или непосредственно объективной ценности, или по крайней мере некоторым традиционным и повсюду распространенным мерилам ценности. Именно этому роду чувство-

ваний нужно приписать то, что столько людей посещают театры или концерты или церковь с правильно отмеренными позитивными эмоциями. Ему также обязаны своим существованием моды и, что гораздо более ценно, положительная и широко распространенная помощь социальным, филантропическим и прочим культурным предприятиям. В этих вещах экстравертированное чувствование проявляет себя как творческий фактор. Без этих эмоций немыслимо, например, хорошее и гармоническое общество. В этом отношении экстравертированное чувствование настолько же благодетельная и разумно действующая сила, как и экстравертированное мышление. Это благотворное влияние, однако, утеривается всякий раз, как объект приобретает чрезмерное влияние. Именно в таком случае слишком сильно экстравертированное чувствование уводит личность в объект, т. е. объект ассимилирует личность, вследствие чего теряется личный характер эмоции, который составляет ее наиболее привлекательную черту. Именно благодаря этому чувствование становится холодным, объективным и незаслуживающим доверия. В нем обнаруживаются скрытые намерения, во всяком случае оно вызывает такие подозрения у беспристрастного наблюдателя. Оно более не производит приятного и освежающего впечатления, которое всегда сопровождает подлинные эмоции, но чувствуется поза или комедиантство, когда эгоцентрические намерения еще, может быть, совершенно бессознательны. Такое преувеличенно экстравертированное чувствование хотя и оправдывает эстетические переживания, но перестает говорить сердцу, а говорит только чувству или, что еще хуже,—рассудку. Оно может эстетически оправдать положение, но ограничивается этим и за пределы этого не выходит. Оно стало бесплодным. Если этот процесс идет вперед, то развивается замечательно противоречивая диссоциация чувствования: оно подчиняет себе каждый объект, эмоционально его оценивая, и завязываются многочисленные отношения, которые внутренне противоречат друг другу. Так как это не было бы возможно, если бы имелся хоть сколько-нибудь выраженный субъект, то последние остатки действительно личной точки зрения подавляются. Субъект в такой степени поглощается отдельными эмоциональными процессами, что наблюдатель получает впечатление, как будто имеется только процесс чувствования, а субъекта чувствования нет. Чувствование в этом состоянии совершенно теряет свою первоначальную человеческую теплоту, оно производит впечатление позы, легкомыслия, ненадежности и в худших случаях впечатление истерического.

4. Экстравертированный эмоциональный тип.

Так как эмоциональное переживание бесспорно есть более явное свойство женской психологии, чем мышление, то самые выраженные эмоциональные типы находятся среди женского пола. Когда экстравертированное чувствование обладает первенством, то мы говорим об экстравертированном эмоциональном типе. Примеры, которые при упоминании этого типа встают передо мной, касаются почти исключительно женщин. Женщина этого рода живет под руководством своих эмоций. Ее эмоции, вследствие ее воспитания, развились в приспособленную и подвергнутую контролю сознания функцию. В случаях, которые не являются крайними, эмоции имеют личный характер, хотя субъективное уже в значительной степени подавлено. Личность кажется, поэтому, приспособленной к объективным отношениям. Эмоции соответствуют объективным положениям и общепринятым ценностям. Это сказывается особенно ясно в так называемом выборе объекта любви: любят «подходящего» человека, а не кого-нибудь другого; он подходит не потому, что он вполне соответствует субъективной скрытой сущности женщины — об этом она по большей части ничего не знает — но потому, что он по своему званию, возрасту, состоянию, величине и почтенности своей семьи соответствует всем разумным требованиям. Такую формулировку, как ироническую и унижающую, можно было бы, конечно, отвергнуть, если бы я не был вполне уверен, что чувство любви у такой женщины вполне соответствует ее выбору. Это не умственное хитросплетение, а истина. Такие разумные браки существуют без числа, и они далеко не самые худшие. Такие жены хорошие подруги своим мужьям и хорошие матери, поскольку их мужья или дети обладают обычной для страны психической конституцией. «Правильно» чувствовать можно только тогда, когда ничто другое не мешает эмоциям. Ничто, однако, так сильно не мешает чувствованию, как мышление. Отсюда совершенно понятно, что мышление у этого типа подавляется насколько возможно. Это не должно значить, что такая женщина вообще не думает; напротив, она думает, может быть, очень много и очень умно, но ее мышление никогда не бывает sui generis, но всегда является эпиметической прибавкой к ее эмоциям. То, что она не может чувствовать, она также не может сознательно думать. «Ведь я не могу думать того, чего я не чувствую», сказали мне однажды раздраженным тоном в подобном случае. Поскольку позволяют эмоции, она может

очень хорошо думать, но каждое самое логическое заключение, которое могло бы помешать чувствованию, a limine отвергается. О нем просто не думают. И, таким образом, ценят и любят все, что считается хорошим согласно объективной оценке; все прочее, как кажется, просто существует само по себе, вне ее. Но эта картина меняется, когда значение объекта достигает еще более высокой степени. Как я уже объяснил выше, тогда происходит такая ассимиляция субъекта в объекте, что субъект чувствования более или менее исчезает. Чувствование теряет личный характер, оно становится чувствованием в себе, и получается впечатление, будто личность полностью растворяется во всякой эмоции. Но так как в жизни постоянно сменяются ситуации, которые дают место различным или друг другу противоречащим эмоциональным тонам, то личность растворяется в таком же количестве различных эмоций. Один раз становятся одним, а другой раз чем то совершенно другим — по видимости; потому что в действительности подобное многообразие личности невозможно. Основа личности остается все таки идентичной самой себе и становится поэтому в явную оппозицию к меняющимся эмоциональным состояниям. Вследствие этого наблюдатель более не воспринимает выставленную на показ эмоцию как личное выражение чувствующего, но скорее как изменение его личности, т. е. каприз. Смотря по степени диссоциации между личностью и временным эмоциональным состоянием более или менее проявляются признаки несовместимости с самим собою, т. е. первоначально компенсирующая установка бессознательного становится в явную оппозицию. Это сказывается прежде всего в преувеличенном выражении эмоций, например, в громких и навязчивых эмоциональных предикатах, которые, однако, несколько не заслуживают доверия. Они звучат пусто и не убеждают. Они, напротив, заставляют уже допустить возможность, что этим слишком сильно компенсируется какое-то противодействие, и что поэтому такое эмоциональное суждение могло бы означать и нечто совсем иное. А немного позже оно означает и другое. Ситуация должна только немного измениться для того, чтобы тотчас вызвать противоположную оценку того же самого объекта. Результатом такого опыта является то, что наблюдатель не может принять в серьез ни одно ни другое суждение. Он начинает сохранять за собою свое собственное суждение. Но так как для этого типа особенно важно установить интенсивное эмоциональное общение с окружающим, то нужны двойные усилия, чтобы преодолеть сдержанность

окружающих. Это ухудшает положение в направлении circulus vitiosus. Чем сильнее ставится ударение на эмоциональном отношении к объекту, тем сильнее выступает на поверхность бессознательная оппозиция.

Мы уже видели, что экстравертированный эмоциональный тип в большинстве случаев подавляет свое мышление, так как мышлению наиболее свойственно мешать эмоциям. На этом основании и мышление, когда оно стремится к сколько-нибудь чистым результатам, почти всегда исключает чувствование, потому что ничто так не способно помешать мышлению и извратить его, как эмоциональная оценка. Поэтому мышление экстравертированного эмоционального типа, поскольку оно является самостоятельной функцией, подавлено. Как я уже упоминал, оно подавлено не вполне, но лишь в той степени, в какой его неутолимая логика вынуждает к заключениям, не подходящим для эмоций. Но оно допускается как слуга эмоций или, лучше сказать, их раб. Его позвоночный столб сломан, оно не может происходит самостоятельно, совершаться согласно своим собственным законам. Но так как все таки существуют логика и неумолимо правильные заключения, то они где-то и происходят, но только вне сознания, а именно в бессознательном. Поэтому бессознательным содержанием этого типа является прежде всего своеобразное мышление. Это мышление инфантильно, архаично и негативно. Пока сознательное чувствование проявляет личный характер или, другими словами, пока личность не поглощается отдельными эмоциональными состояниями, бессознательное мышление действует компенсирующе. Но когда личность диссоциируется и растворяется в отдельных друг другу противоречащих эмоциональных состояниях, то идентичность личности теряется, субъект становится бессознательным. Так как субъект входит в бессознательное, он ассоциируется с бессознательным мышлением и иногда придает этим бессознательному мышлению сознательность. Чем сильнее сознательное эмоциональное отношение и чем более, поэтому, оно обезличивает чувствование, тем сильнее также бессознательная оппозиция. Это выражается в том, что как раз вокруг наиболее ценимого объекта собираются бессознательные мысли, которые безжалостной критикой лишают этот объект его ценности. Мышление в стиле «ничто иное как» здесь как раз на месте, потому что оно разрушает превосходство прикованных к объекту эмоций. Бессознательное мышление выступает на поверхность в форме причуд, часто навязчивого свойства, общий характер которых

всегда негативный и обесценивающий. Поэтому у женщин этого типа бывают моменты, когда худшие мысли прикрепляются как раз к тому объекту, который чувствование ценит выше всего. Негативное мышление пользуется всякими инфантильными предрассудками или сравнениями, которые способны поставить под сомнение эмоциональную оценку, и привлекает все примитивные инстинкты, чтобы быть в состоянии объяснить эмоции как «ничто иное как». Скорее в качестве стороннего замечания я здесь упомяну о том, что таким же образом привлекается коллективное бессознательное, совокупность первоначальных картин, из обработки которых является возможность возрождения установки на другом основании.

Главной формой невроза этого типа является истерия с ее характерным инфантильно-сексуальным бессознательным миром представлений.

5. Общий обзор рациональных типов.

Я называю оба предшествующие типа рациональными или рассудительными, потому что они характеризуются первенством разумно рассуждающей функции. Общим признаком обоих типов является то, что их жизнь в высокой мере подчинена разумному суждению. Мы, конечно, должны принять во внимание, говорим ли мы при этом с точки зрения субъективной психологии индивидуума или с точки зрения наблюдателя, который извне воспринимает и судит. Этот наблюдатель мог бы легко притти к противоположному суждению, и именно тогда, когда он интуитивно просто постигает происходящее и судит о нем. Жизнь этого типа в ее совокупности никогда не зависит только от рассудочного суждения, но почти в такой же мере и от бессознательной нерассудочности. Тот, кто только наблюдает происходящее, не заботясь о внутреннем строе сознания индивидуума, скорее может быть смущен нерассудочностью и случайностью некоторых бессознательных суждений индивидуума, чем сообразностью с разумом его сознательных намерений и мотивировок. Я основываю поэтому мое суждение на том, что индивидуум ощущает как свою сознательную психологию. Я, однако, соглашаюсь, что такую психологию можно как раз обратным образом понимать и излагать. Я также убежден, что я, в случае, если я обладаю другой индивидуальной психологией, исходя из бессознательного, ошибочным образом описал бы рациональные типы, как иррациональные. Это обстоятельство очень значительным обра-

зом затрудняет изложение и понятность психологических фактов и неограниченно повышает возможность недоразумений. Споры, происходящие благодаря этим недоразумениям, обыкновенно безнадежны, так как говорят, не считаясь друг с другом. Этот опыт послужил мне лишним поводом основать мое изложение на субъективно-сознательной психологии индивидуума, потому что благодаря этому получается, по крайней мере, некоторая определенная объективная опора, которая совершенно исчезает, когда хотят обосновать психологическую закономерность на бессознательном. В этом случае, именно, объект не мог бы более принимать участие в обсуждении, так как он знал бы обо всем прочем более, чем о своем собственном бессознательном. Этим суждение было бы всецело предоставлено наблюдателю — верная порука в том, что он будет основываться на своей собственной индивидуальной психологии и навязывать ее наблюдаемому. Это происходит, по моему мнению, в психологии как Фрейда, так и Адлера (Adler). Индивидуум этим всецело предоставлен на благоусмотрение производящего суждение наблюдателя. Но этого не может произойти, когда за основу берется сознательная психология наблюдаемого. В этом случае он является компетентным, так как только ему известны его сознательные мотивы.

Рассудочность сознательного руководства жизнью обоих этих типов означает сознательное исключение случайного и несоответствующего разуму. Рассудочное суждение в этой психологии представляет силу, которая принуждает или, по крайней мере, старается принудить к определенным формам беспорядочное и случайное реальной действительности. Этим с одной стороны среди жизненных возможностей создается определенный выбор, так как сознательно допускается лишь сообразное с разумом, а с другой стороны существенно ограничивается самостоятельность и влияние тех психических функций, которые служат для восприятия происходящего. Это ограничение ощущения и интуиции, конечно, не абсолютно. Эти функции существуют как и другие, только их продукты подлежат выбору рассудочного суждения. Не абсолютная сила ощущения, например, является решающей для мотивировки поступка, но суждение. Воспринимающие функции разделяют, таким образом, в известном смысле судьбу эмоций в случаях первого типа, и суждения — во втором случае. Они относительно подавлены и поэтому находятся в менее дифференцированном состоянии. Это обстоятельство придает бессознательному обоих наших типов свое-

образный отпечаток: то, что эти люди делают сознательно и намеренно, — сообразно разуму (сообразно *их* разуму!), то же, что с ними случается, соответствует сущности инфантильно-примитивных ощущений, с одной стороны, и таких же интуиций — с другой. Что следует понимать под этими понятиями, я пытаюсь изложить в следующих главах. Во всяком случае, то, что случается с этими типами, — иррационально (конечно, рассматривая с их точки зрения!). Но так как существует очень много людей, которые больше живут тем, что с ними случается, чем тем, что они делают из разумных намерений, то легко может случиться, что такой человек, принадлежащий к одному из наших двух типов, после тщательного анализа будет признан иррациональным. Нужно сознаться, что не слишком редко бессознательное человека производит более сильное впечатление, чем его сознательное, и что его поступки часто имеют значительно больше весу, чем его разумные мотивировки.

Рассудочность обоих типов объективно ориентирована, зависит от объективно данного. Их рассудочность соответствует тому, что коллективно считается разумным. Субъективно для них считается разумным только то, что вообще рассматривается как разумное. Но и разум в значительной части субъективен и индивидуален. В нашем случае эта часть подавлена, и именно тем более, чем больше значение объекта. Субъекту и субъективному разуму, поэтому, всегда грозит подавление, и когда оно с ними происходит, то они попадают под власть бессознательного, которое в этом случае обладает весьма неприятными особенностями. О его мышлении мы уже говорили. К этому присоединяются и примитивные ощущения, которые выражаются в навязчивости ощущений, например, в форме ненормального, навязчивого стремления к наслаждению, которое может принимать всевозможные формы, и примитивные интуиции, которые для того, с кем это случается, и для его окружающих могут сделаться прямым мучением. Чудится или предполагается все неприятное и тяжелое, все противное, безобразное или плохое, и при этом по большей части дело идет о полуистинах, которые, как ничто другое, способны создавать недоразумения самого ядовитого рода. Из сильного влияния противоречащего бессознательного содержания также необходимым образом получается частое нарушение сознательных правил разума, именно поразительная связь со случайностями, которые или вследствие силы их ощущения, или вследствие их бессознательного значения получают принуждающее влияние.

6. Ощущение.

В экстравертированной установке ощущение обусловливается преимущественно объектом. Как восприятие органов чувств, ощущение естественным образом зависит от объекта. Но оно таким же естественным образом зависит и от субъекта, так как существует также субъективное ощущение, которое по своему роду совершенно отлично от объективного ощущения. В экстравертированной установке субъективная часть ощущения, поскольку вопрос идет о его сознательном применении, заторможена или подавлена. Точно так же ощущение, как иррациональная функция, относительно подавлено, когда мышление или эмоции обладают первенством, т. е. оно функционирует сознательно только в той мере, в какой сознательная, производящая суждения установка допускает обращение случайных восприятий в содержания сознания, другими словами— реализует их. Функция органов чувств sensu strictori, конечно, абсолютна, например, мы видим или слышим все, насколько это физиологически возможно, но не все достигает той высоты порога, которой должна обладать перцепция, чтобы быть еще и апперципированной. Это изменяется, когда никакая другая функция, кроме самого ощущения, не обладает первенством. В этом случае из ощущения объекта ничего не исключается и не подавляется (за исключением субъективной части, как уже упомянуто). Ощущения определяются преимущественно объектом, и те объекты, которые производят наиболее сильное ощущение, имеют наибольшее значение для психологии индивидуума. Отсюда происходит ясно выраженная *чувственная связь* с объектом. Поэтому ощущение есть жизненная функция, которая наделена сильнейшей жизненной силой. Поскольку объекты дают ощущения — они действительны и они полностью входят в сознание — в той мере, в какой это вообще возможно через ощущение,— независимо от того, подходят ли они для рассудочного суждения или нет. Критерием их ценности служит только сила ощущения, обусловленная их объективными свойствами. Вследствие этого в сознание вступают все объективные явления, поскольку они вообще производят ощущение. Но только конкретные чувственно воспринимаемые объекты и явления возбуждают ощущения в экстравертированной установке, и именно исключительно такие объекты и явления, которые всякий всегда и везде будет ощущать как конкретные. Индивидуум, поэтому, ориентируется на чисто чувственную реальность. Производящие суждение функции

стоят ниже конкретного факта ощущения и имеют поэтому свойства недостаточно дифференцированных функций, т. е. известную негативность с инфантильно-архаическими чертами. Конечно, сильнее всего подавляется противоположная ощущению функция, а именно, функция бессознательного восприятия,—интуиция.

7. Экстравертированный сенсорный тип.

Нет другого человеческого типа, который по реализму равнялся бы экстравертированному сенсорному типу. Его объективное чувство действительности необыкновенно развито. В своей жизни он накопляет опыты из конкретных объектов, и чем сильнее он выражен, тем меньше употребления он делает из своего опыта. Его переживание в известных случаях вообще не становится тем, что заслуживает название «опыта». Все, что он ощущает, служит ему только поводом для новых ощущений, и все новое, что входит в круг его интересов, приобретается путем ощущений и должно служить только для этой цели. Поскольку имеется склонность считать сильно выраженное чувство к чистой действительности очень разумным, такие люди оцениваются как разумные. Но в действительности они совсем не являются таковыми, так как они в такой же степени подвержены ощущению иррациональной случайности, как и рационального события. Такой тип — в большинстве случаев дело, очевидно, идет о мужчинах—конечно не думает, что он «подвержен» ощущениям. Он скорее осмеет это выражение, как совершенно неправильное, так как для него ощущение есть конкретное выражение жизни; оно для него означает полноту действительной жизни. Его намерения, как и его нравственность, направлены на конкретное наслаждение. Потому что истинное наслаждение имеет свою особую мораль, свою особую умеренность и закономерность, свое самоотречение и готовность к жертве. Он вовсе не должен быть чувственным, грубым человеком, но может дифференцировать свое ощущение до самой высокой эстетической чистоты, никогда не изменяя своему принципу объективного ощущения, даже в самом абстрактном ощущении. «Цицерон безрассудного наслаждения жизнью» Вульфена (Wulfen) является искренним самопризнанием подобного типа. Книга кажется мне достойной прочтения под этим углом зрения.

На более низкой ступени этот тип является человеком осязательной действительности, без склонности к размышлениям и без властных замыслов. Его постоянный мотив — ощущать объект,

иметь ощущения и по возможности наслаждаться. Это не отталкивающий человек, напротив, он часто обладает приятной и живой способностью к наслаждению, иногда он веселый товарищ, иногда полный вкуса эстет. В первом случае большие проблемы жизни зависят от более или менее хорошего обеденного стола, во втором они относятся к хорошему вкусу. Когда он ощущает, то все существенное для него сказано и исполнено. Все может быть только конкретным или действительным, предположения помимо и сверх этого допускаются лишь постольку, поскольку они усиливают ощущение. Они совсем не должны усиливать ощущения только в приятном смысле, так как этот тип не обыкновенный сладострастник, но он хочет только самых сильных ощущений, которые он, согласно своей природе, всегда должен получать извне. То, что идет изнутри, кажется ему болезненным и недостойным. Поскольку он мыслит и чувствует, он всегда сводит к объективным основам, т. е. к влиянию, которое исходит от объекта, не считаясь даже с самым сильным уклонением от логики. Осязательная действительность при всех обстоятельствах дает ему вздохнуть свободно. В этом отношении он полон самого неожиданного легковерия. Психогенный симптом он без сомнения отнесет к низкому стоянию барометра, а существование психического конфликта кажется ему ненормальным мечтанием. Его любовь несомненно основывается на чувственном раздражении объекта. Поскольку он нормален, он полностью приспособлен к данной действительности, полностью потому, что это всегда очевидно. Его идеал — действительность, и по отношению к ней он полон почтения. У него нет идейных идеалов и потому нет основания вести себя как-нибудь несоответственно с фактической действительностью. Это выражается во всех внешних проявлениях. Он хорошо одевается, соответственно своим обстоятельствам, у него хорошо едят и пьют, удобно сидят или, по крайней мере, понимают, что его утонченный вкус должен предъявлять особые претензии к окружающему его. Он даже убежден, что известные жертвы стилю явно вознаграждаются.

Но чем более ощущение перевешивает, так что ощущающий субъект исчезает за ощущением, тем неприятнее становится этот тип. Он развивается или в грубого стремящегося к наслаждениям человека, или в скрупулезного, рафинированного эстета. Как ни необходим для него объект, он, все таки, как нечто существующее в себе и через себя, обесценивается. Он преступно насилуется и выжимается, так как он вообще употребляется только как

повод для ощущения. Связь с объектом доводится до крайности. Благодаря этому, однако, бессознательное, вместо того чтобы играть компенсаторную роль, вынуждено стать в открытую оппозицию. Раньше всего приобретают влияние подавленные интуиции в форме проекций на объект. Появляются авантюристические проекты: если дело идет о сексуальном объекте, то ревнивые фантазии и состояния страха играют большую роль. В тяжелых случаях развиваются разного рода фобии и в особенности симптом навязчивости. Патологические содержания имеют заслуживающий внимания характер ирреальности, часто морально и религиозно окрашенный. Часто развивается хитрое крючкотворство, смешная скрупулезная нравственность и примитивная, суеверная и «магическая» религиозность, которая придерживается непонятных обрядов. Все это происходит из подавленных, недостаточно дифференцированных функций, которые в этом случае упорно противостоят сознанию и тем резче проявляются, чем на более нелепых предположениях они кажутся основанными, в полную противоположность к чувству действительности. Вся культура чувствования и мышления кажется в этой второй личности искаженной в болезненную примитивность; разум — это мудрствование и педантизм, мораль — это пустое морализирование и очевидный фарисеизм, религия — нелепое суеверие, способность предчувствовать, этот благородный дар человека, — личная причуда, обнюхивание каждого угла, и, вместо того чтобы расширяться, сужаемся до слишком человеческой мелочности.

Специальный навязчивый характер невротического симптома представляет сознательную противоположность к сознательной моральной непринужденности одной сенсорной установки, которая, с точки зрения рационального суждения, без выбора принимает происходящее. Если даже отсутствие гипотез у ощущающего типа не означает отсутствия закономерности и границ, то все таки у него не имеется совершенно необходимого ограничения суждением. Но рациональное суждение представляет некоторое сознательное принуждение, которое рациональный тип накладывает на себя как будто добровольно. Это принуждение для сенсорного типа исходит из бессознательного. Кроме того, связь с объектом у рационального типа, именно вследствие существования суждения, никогда не имеет того значения, как то необходимое отношение к объекту, которое имеет сенсорный тип. Когда его установка достигает ненормальной односторонности, то он вследствие этого в той же мере подвергается опасности попасть во власть бессознательного, в какой он

сознательно зависит от объекта. Если же у него появился невроз, то с ним гораздо труднее обходиться разумным образом, потому что те функции, к которым обращается врач, находятся в относительно недифференцированном состоянии, и поэтому на них можно мало или даже совсем нельзя расчитывать. Для того, чтобы довести что-нибудь до его сознания, часто требуется аффективное средство воздействия.

8. Интуиция.

Интуиция, как функция бессознательного восприятия, в экстравертированной установке направляется всецело на внешние объекты. Так как интуиция является главным образом бессознательным процессом, то сознательно постичь ее сущность очень трудно. В сознании интуитивная функция замещена известной установкой ожидания, некоторым созерцанием и вглядыванием, причем всегда только последующий результат может показать, сколько увидели и сколько действительно находилось в объекте. Так же, как ощущение, если оно обладает первенством, не есть только реактивное, ничего более не значущее для объекта явление, но скорее является действием (actio), которое схватывает и образует объект, так и интуиция не есть только восприятие, простое воззрение, но является активным, творческим явлением, которое столько же вкладывает в объект, сколько берет из него. Так же, как он бессознательно получает наглядное представление, он производит бессознательное действие на объект. Конечно, интуиция раньше всего дает возможность получить только образы или наглядные представления о связях и отношениях, которые при помощи других функций или совсем не могут быть получены, или достигаются только долгим окружным путем. Эти образы имеют ценность определенного знания, которое решающим образом влияет на поступки, поскольку интуиция имеет главное значение. Мышление, чувствование и ощущение относительно подавлены, причем в наибольшей степени это относится к ощущению, потому что оно, как сознательная функция органов чувств, больше всего мешает интуиции. Ощущение нарушает чистое, непредвзятое, наивное наглядное представление навязчивыми раздражениями органов чувств, которые направляют взор на физические поверхности, т. е. как раз на те вещи, за которые интуиция стремится проникнуть. Так как в экстравертированной установке интуиция направлена преимущественно на объект, то она, собственно, сильно приближается к ощущению, так как установка

ожидания на внешние объекты может почти с такой же степенью вероятности пользоваться ощущением. Но для того, чтобы интуиция могла быть осуществлена, ощущение должно быть в значительной степени подавлено. Под ощущением в этом случае я понимаю простое и прямое ощущение органов чувств, как ясно очерченный физиологический и психический факт. Это нужно точно установить с самого начала, потому что, когда я у интуитивного спрошу, на что он ориентируется, он будет мне говорить о вещах, которые точь в точь походят на ощущения органов чувств. Он часто будет пользоваться выражением «ощущения». Он действительно имеет ощущения, но он не руководствуется самими ощущениями, а они служат ему только точкой опоры для наглядных представлений. Они избираются бессознательным предположением. Главную ценность получает не физиологически самое сильное ощущение, но какое-то другое, которое значительно повышается в своей ценности бессознательной установкой интуитивного. Этим оно случайно достигает главного значения, и сознанию интуитивного кажется, что оно есть чистое ощущение. Но в действительности оно не является им. Так же, как ощущение в экстравертированной установке стремится достигнуть самой сильной действительности, так как только благодаря этому получается впечатление полной жизни, так же интуиция старается постичь наибольшие в о з м о ж н о с т и, потому что п р е д ч у в с т в и е более всего удовлетворяется через наглядное представление возможностей. Интуиция стремится к открытию возможностей в объективно данном, поэтому она, как просто добавочная функция (именно тогда, когда ей не принадлежит первенство), является вспомогательным средством, которое действует автоматически, когда ни одна другая функция не может найти выхода из отовсюду закрытого положения. Если же интуиции принадлежит первенство, то все обычные жизненные положения кажутся закрытыми помещениями, которые интуиция должна открыть. Она постоянно ищет выходов и новых возможностей внешней жизни. Для интуитивного мышления каждое жизненное положение в кратчайшее время становится тюрьмой, тяжелыми оковами, от которых нужно освободиться. Объекты время от времени, как кажется, имеют преувеличенную ценность, тогда именно, когда они могут служить для разрешения, освобождения, нахождения новой возможности. Едва они исполнили свою службу ступеньки или моста, как они теряют, повидимому, всякую ценность и отбрасываются, как обременительная прибавка. Факт имеет значение лишь по-

стольку, поскольку он заключает в себе выходящую за его пределы возможность освободить индивидуум от себя. Возникающие возможности являются принуждающими мотивами, от которых интуиция не может освободиться и которым она приносит в жертву все остальное.

9. Экстравертированный интуитивный тип.

Там, где господствует интуиция, появляется своеобразная психология, которой нельзя не узнать. Так как интуиция ориентируется на объект, заметна сильная зависимость от внешних положений, которая совершенно отлична от рода зависимости сенсорного типа. Интуитивный никогда не находится там, где бывают общепризнанные действительные ценности, но всегда там, где имеются возможности. У него тонкое чутье к зарождающемуся и сулящему будущее. Он никогда не находится в устойчивых, давно установившихся и хорошо обоснованных отношениях общепризнанной, но ограниченной ценности. Так как он всегда находится в поисках новых возможностей, то он грозит задохнуться в устойчивых отношениях. Он воспринимает новые объекты и пути с большой интенсивностью и иногда с необычайным энтузиазмом, для того, чтобы без жалости и повидимому без воспоминания хладнокровно отбросить их, как только установлен их объем и более не предполагается их дальнейшее значительное развитие. Пока существует возможность, интуитивный связан с нею силою судьбы. Кажется, будто вся его жизнь расцветает в новом положении. Получается впечатление, и он сам разделяет его, будто он только что достиг решительного поворота в своей жизни, как будто он теперь ни о чем другом не может думать и чувствовать. Как бы это ни было разумно и целесообразно, даже когда все мыслимые аргументы говорят в пользу устойчивости, ничто не удержит его от того, чтобы в один день ту самую ситуацию, которая казалась ему освобождением и разрешением, не рассматривать как тюрьму и не поступать сообразно этому. Ни разум, ни эмоции не могут удержать или оттолкнуть его от новой возможности, даже когда она при известных обстоятельствах противоречит его прежним убеждениям. Мышление и чувствование, необходимые составные части убеждения, являются у него недостаточно дифференцированными функциями, которые не обладают очень значительным весом и потому не могут оказать длительного противодействия интуиции. И все таки эти функции в состоянии действительно компенсировать пер-

венство интуиции, так как они доставляют интуитивному **суждение**, которое у него, как типа, совершенно отсутствует. Нравственность интуитивного не интеллектуальна и не эмоциональна, но она имеет свою собственную мораль, а именно, верность своим наглядным представлениям и добровольное подчинение их силе. Соображения о благополучии окружающих не значительнее их, и его собственное физическое благосостояние не является основательным аргументом. Так же мало уважения имеется к убеждениям и привычкам жизни окружающих его, так что он часто считается безнравственным и легкомысленным авантюристом. Так как его интуиция занимается внешними объектами и предчувствует внешние возможности, то он охотно обращается к профессиям, в которых он наиболее разносторонне может развить свои способности. Много купцов, предпринимателей, агентов, политиков и т. д. принадлежат к этому типу.

Еще чаще, чем среди мужчин, этот тип, повидимому, встречается среди женщин. В этом последнем случае интуитивная деятельность обнаруживается не столько в призвании, сколько в общественной среде. Такие женщины умеют использовать все социальные возможности, завязывать общественные связи, находить мужчин с возможностями, чтобы для новой возможности отказаться от всего этого.

Само собою понятно, что такой тип с точки зрения народного хозяйства и как двигатель культуры имеет чрезвычайное значение. Когда он хорошо сформирован, т. е. не слишком эгоистично установлен, то он, как инициатор, или, по крайней мере, как поощритель всяких начинаний может оказать необычайные услуги. Он естественный адвокат всех меньшинств с многообещающим будущим. Так как он, если он меньше установлен на вещи, чем на людей, чутьем понимает в них некоторые способности и преимущества, то он может также «создавать» людей. Никто не обладает такой способностью придать бодрость своим ближним, возбудить воодушевление для новой вещи, даже если послезавтра он ей изменит. Чем сильнее его интуиция, тем более сливается его субъект с усмотренной возможностью. Он ее оживляет, он ее представляет наглядно и с убеждающей теплотой, он ее, так сказать, воплощает. Это не актерство, а судьба.

Эта установка имеет свои опасности, потому что интуитивный слишком легко разбрасывает свою жизнь, оживляя людей и вещи и распространяя вокруг себя полноту жизни, так что живет не он, а другие. Если бы он мог остаться при своем предмете, то ему

бы достались плоды его работы, но он тотчас должен бежать за новыми возможностями и оставить только что засеянные поля, жатву с которых соберут другие. В конце концов он делается пустым. Когда интуитивный дает делу зайти так далеко, то он имеет против себя еще свое бессознательное. Бессознательное интуитивного имеет известное сходство с бессознательным сенсорного типа. Мышление и чувствование относительно подавлены и образуют в бессознательном мысли и эмоции, которые можно сравнить с мыслями и эмоциями противоположного типа. Они также проявляются в форме интенсивного проектирования и так же нелепы, как и у сенсорного типа, только, как мне кажется, им не хватает мистического характера, они касаются по большей части конкретных quasi-реальных вещей, как сексуальные, финансовые и другие возможности, например, предчувствие болезни. Это различие, повидимому, происходит из подавленных реальных ощущений. Эти последние почти всегда проявляются тем, что интуитивный неожиданно попадает в руки совершенно неподходящей женщины,—в противоположном случае, неподходящего мужчины,—и именно вследствие того обстоятельства, что эти лица затронули архаическую сферу ощущений. Из этого получается бессознательная насильственная связь с объектом самой несомненной безнадежности. Такой случай уже является симптомом навязчивости, который для этого типа очень характерен. Он требует той же свободы и вольности, как и сенсорный тип, так как свои решения он подчиняет не рациональным суждениям, а только восприятию случайных возможностей. Он освобождает себя от ограничения разумом и впадает поэтому в невроз бессознательного принуждения, в рассудочность, мудрствование и принудительную связь с ощущением объектов. В сознании он обращается с ощущением и с ощущаемым объектом с неограниченным превосходством и легкомыслием. Не потому, что он хочет быть легкомысленным или выказать превосходство,—он просто не видит объекта, который всякий может видеть, и уходит от него так же, как и сенсорный тип; только последний не видит души объекта. За это объект позже мстит за себя именно в форме иппохондрических навязчивых идей, фобий и всевозможных нелепых соматических ощущений.

10. Общий обзор иррациональных типов.

Я называю оба предшествующие типа иррациональными на том уже объясненном основании, что все их действия основаны не

на суждениях разума, а на абсолютной силе восприятия. Их восприятие направляется только на происходящее, которое не подлежит никакому выбору через суждение. В этом смысле оба последние типа имеют значительное превосходство над обоими первыми рассудочными типами. Объективно происходящее закономерно и случайно. Поскольку оно закономерно, оно доступно разуму, поскольку оно случайно — оно разуму недоступно. Можно сказать и наоборот, что мы в происходящем называем закономерным то, что нашему разуму кажется таковым, и называем случайным то, в чем мы не можем открыть никакой закономерности. Постулат универсальной закономерности остается постулатом только нашего разума, но не является постулатом наших функций восприятия. Так как они никоим образом не основываются на принципе разума и его постулатах, то они по своей сущности иррациональны. Поэтому я и перцепторные типы (Wahrnehmungs-typen), согласно их сущности, называю иррациональными. Но было бы совершенно неправильно понимать эти типы как «неразумные» только потому, что они суждение ставят ниже восприятия. Они просто в высокой степени эмпиричны; они основываются исключительно на опыте, даже в такой степени исключительно, что их суждение по большей части не может итти в ногу с их опытом. Но, несмотря на это, функции суждения существуют, только они поглощают большую часть бессознательного бытия. Поскольку бессознательное, несмотря на свое отделение от сознательного субъекта, все таки всегда проявляется, постольку и в жизни иррационального типа замечаются странные суждения и странные волевые акты в форме ложного мудрствования, холодной рассудочности и по виду замысловатого выбора лиц и положений. Эти черты носят инфантильный или примитивный отпечаток; иногда они странно наивны, иногда легкомысленны, резки и насильственны. Рационально установленному легко может показаться, что эти люди по своему действительному характеру рационалистичны и преднамерены в худшем смысле. Это суждение, однако, было бы действительно только для их бессознательного, но никак не для их сознательной психологии, которая вся установлена на восприятие и, вследствие своей иррациональной сущности, совершенно не понятна рассудочному суждению. Рационально установленному может в конце концов показаться, что такое накопление случайностей вообще не заслуживает имени «психологии». Иррациональный не остается в долгу у этой оценки благодаря тому впечатлению, которое на него производит рациональный: он рас-

сматривает его как нечто полуживое, единственная цель жизни которого состоит в том, чтобы наложить цепи разума на все живое и стянуть ему шею суждением. Это, конечно, грубые крайности, но они случаются. По суждению рационального иррациональный легко мог бы быть представлен, как рациональный низшего качества, именно тогда, когда о нем судят по тому, что с ним случается. С ним случается как раз не то, чего нельзя предвидеть, — этим он владеет, — но вещами, которые им двигают, являются разумное суждение и разумное намерение. Это для рационального совершенно непонятный факт, невероятность которого равняется только удивлению иррационального, который нашел кого-нибудь, кто идею разума ставит выше, чем живую и подлинную действительность. Подобное кажется ему совершенно невероятным. По большей части безнадежно вообще предлагать ему нечто принципиальное в этом направлении, потому что рациональное объяснение ему так же неизвестно и даже противно, как рациональному кажется невозможным заключить контракт без взаимного соглашения и обязательства.

Этот пункт приводит меня к проблеме психических отношений между представителями различных типов. Психические отношения новая психиатрия, опираясь на язык французской гипнотической школы, называет «раппортом» (rapport). Раппорт состоит прежде всего в некотором чувстве существующего сходства, несмотря на признанное различие. Даже признание существующего различия, если только оно взаимно, есть уже раппорт, чувство сходства. Если это чувствование, когда оно является, мы делаем в значительной степени сознательным, то мы открываем, что это не просто чувствование, свойство которого не поддается дальнейшему анализу, но вместе с тем идея, или содержание познания, которое пункт согласия излагает в форме, доступной мышлению. Это рациональное изложение имеет значение исключительно для рационального, но не для иррационального, который основывает свое суждение не на суждении, но вообще на параллельности происходящего, живой действительности. Его чувство согласия есть общее восприятие ощущения, или интуиция. Рациональный сказал бы, что раппорт с иррациональным основан на чистой случайности. Когда объективные положения случайно совпадают, тогда получаются некоторые человеческие отношения, но никто не может знать, какое значение имеют эти отношения или как долго они будут продолжаться. Для рационального часто просто тяжела мысль, что отношения продолжаются только до тех пор, пока внешние обстоятель-

ства случайно являются общими. Это кажется ему не совсем достойным человека, в то время как иррациональный видит в этом особенно красивую черту человечества. В результате каждый считает, что с другим невозможно находиться в каких-нибудь отношениях, как с человеком, на которого нельзя положиться и с которым никогда нельзя поладить. К такому результату приходят, конечно, только тогда, когда сознательно стараются сложить с себя ответственность за характер отношений к своим ближним. Но так как такая психологическая добросовестность не слишком обычна, то часто случается, что, несмотря на абсолютное различие точек зрения, устанавливается некоторый раппорт, и именно следующим образом: один молчаливо предполагает, что другой в существенных пунктах имеет то же самое мнение, а другой чувствует или ощущает объективную общность, о которой первый не имеет сознательного понятия, и существование которой он даже будет оспаривать, точно так, как последнему никогда не придет мысль, что его отношения должны быть основаны на общем согласии. Такой раппорт бывает наиболее часто; он основан на предположениях, которые позже становятся источником недоразумений.

Психологические отношения в экстравертированной установке всегда регулируются объективными факторами, внешними условиями. То, чем другой является внутри себя, никогда не имеет решающего значения. Для нашей современной культуры экстравертированная установка в принципе служит основанием для человеческих отношений; интровертированный принцип, конечно, имеет место, но считается исключением и аппелирует к терпимости современников.

С. ИНТРОВЕРТИРОВАННЫЙ ТИП.

I. ОБЩАЯ УСТАНОВКА СОЗНАНИЯ.

Как я уже изложил в главе А I, интровертированный тип отличается от экстравертированного тем, что он преимущественно ориентируется не на об'ект и объективно данное, как экстравертированный тип, но на субъективные факторы. В упомянутой главе я между прочим показал, что у интровертированного между восприятием объекта и его собственными поступками вдвигается субъективный взгляд, который мешает тому, чтобы поступки приняли соответствующий объективному данному характер. Это, конечно, специальный случай, который приводится только для примера и

должен служить простым наглядным пояснением. Здесь, само собою понятно, мы должны искать более общих формулировок.

Интровертированное сознание, хотя видит внешние условия, но решающими избирает субъективные определители. Этот тип, поэтому, руководствуется тем фактором восприятия и познания, который показывает субъективное предрасположение к устранению раздражений органов чувств. Два лица, например, видят один и тот же объект, но они видят его не так, чтобы обе полученные от этого картины были абсолютно идентичны. Помимо различной остроты органов чувств и личного уравнения часто бывают глубокие различия в роде и размере психической ассимиляции перцепируемого образа. В то время как экстравертированный тип всегда предпочтительно основывается на том, что он получает от объекта, интровертированный предпочтительно опирается на то, что в субъекте приводит к констелляции внешнее впечатление. В отдельном случае апперцепции различие, конечно, может быть очень тонким, но в целом психологического уклада оно весьма заметно и именно в форме резервата личности (Reservates des Ich). Поясним это: — я считаю, что тот взгляд, согласно которому по Вейнингеру (Weininger) можно было бы назвать эту установку филавтической или, иначе, автоэротической, эгоцентрической, субъективистической или эгоистической, в своем принципе вводит в заблуждение и лишает это понятие ценности. Он соответствует предубеждению в пользу экстравертированной установки против сущности интровертированного. Никогда не следует забывать,— экстравертированный образ мышления забывает это слишком легко, — что всякое восприятие и познание обусловлено не только объективно, но и субъективно. Мир существует не только сам по себе, an und für sich, но и так, как он мне кажется. Да, мы, собственно говоря, не имеем даже критерия для неассимилирующегося с субъектом суждения о мире. Проглядеть субъективный фактор, это значит отрицать существование большого сомнения в возможности абсолютного знания. Переоценкой объективной возможности познания мы подавляем значение субъективного фактора, значение просто субъекта. Но что такое субъект? Субъект — это человек, мы — это субъект. Не следует забывать, что познание имеет субъект, и что «познание вообще» не существует, и поэтому для нас не существует мира там, где никто не говорит: «я познаю», чем он уже выражает субъективное ограничение всякого познания. То же самое относится ко всем психическим функциям: они имеют субъект, который

так же необходим, как и объект. Характерно для нашей современной экстравертированной оценки, что слово «субъективно» обычно звучит почти как порицание, во всяком случае «только субъективно» означает опасное оружие, назначенное для поражения того, кто не окончательно убежден в необходимом превосходстве объекта. Поэтому мы должны ясно понять, что́ в этом исследовании разумеется под выражением «субъективный». Субъективным фактором я называю то психологическое действие (Aktion) или реакцию, которое, соединяясь с воздействием объекта, производит новый психический факт. Но поскольку субъективный фактор с самых давних времен и у всех народов земли остается в очень высокой мере идентичным самому себе,—так как элементарные восприятия и познавания, так сказать, всегда и везде одни и те же,—то он является столь же прочно обоснованной реальностью, как и внешний объект. Если бы это было иначе, то нельзя было бы говорить о постоянной и в своей сущности неизменной действительности, и согласие с традициями было бы невозможно. Поэтому субъективный фактор есть нечто так же непреклонно данное, как протяженность моря и радиус земли. В этом отношении субъективному фактору принадлежит вся важность мироопределяющей величины, которую никогда и нигде нельзя сбросить со счета. Он является другим мировым законом, и кто на нем основывается, основывается с такой же достоверностью с такой же твердостью и действительностью, как тот, кто ссылается на объект. Но как объект и объективно данное никогда не остается одним и тем же, так как он подвержен тлению и случайности, так и субъективный фактор подлежит изменчивости и индивидуальной случайности. И поэтому и его ценность только относительна. Чрезмерное развитие интровертированной точки зрения в сознании ведет не к лучшему и более верному применению субъективного фактора, но к искусственному субъективированию сознания, которому нельзя не сделать упрека в том, что оно «только субъективно». Благодаря этому получается противоположность десубъективирования сознания в преувеличенную экстравертированную установку, которая заслуживает данного Weininger'ом названия «мизавтичный». Так как интровертированная установка опирается на везде существующее, высоко реальное и абсолютно необходимое условие психологического приспособления, то такие выражения, как «филавтический», «эгоцентрический» и им подобные, являются неуместными и предосудительными скорее оттого, что они возбуждают подозрение, что дело всегда идет только все о том же Я. Нет ничего более ложного,

чем такое предположение. Но оно часто встречается при исследовании суждений экстравертированных личностей об интровертированных. Я приписал бы эту ошибку не одному экстравертированному типу, но скорее отнес бы ее на счет современного господствующего экстравертированного взгляда, который не ограничивается экстравертированным типом, но в равной мере представлен другим типом, в значительной степени вопреки ему самому. Последнему можно даже с полным правом поставить в упрек, что он изменяет своей собственной природе, в то время как первого, по крайней мере, нельзя упрекнуть в этом.

Интровертированная установка в нормальном случае применяется к в принципе наследственно-данной психологической структуре, которая является присущей субъекту величиной. Но ее совсем не следует считать просто идентичной с сознательной личностью субъекта, что произошло бы при упомянутых выше обозначениях, а она является психологической структурой субъекта, до всякого развития сознательной личности (eines Ich). Настоящий основной субъект, именно личность в целом (das Selbst), гораздо обширнее, чем сознательная личность (das Ich), так как первая охватывает также бессознательное, в то время как последняя по существу является средоточием сознания. Если бы сознательная личность была идентична с личностью в целом, то было бы немыслимо, чтобы в сновидениях мы являлись в совершенно других формах и значениях. Во всяком случае характерное для интровертированного свойство заключается в том, что он, следуя столько же собственной склонности, как и всеобщему предрассудку, смешивает свою сознательную личность со своей личностью в целом и возводит свою сознательную личность в субъект психологического процесса, чем он совершает как раз то, ранее упомянутое, болезненное субъективирование своего сознания, которое отчуждает от него объект. Психологическая структура — это то самое, что Семон (Semon) обозначил, как мнеме, а я — как коллективное бессознательное. Индивидуальная личность в целом есть часть или срез, или представитель повсюду во всяком живом существе имеющейся и находящейся на соответственной ступени особенности психологического процесса, которая каждому существу должна быть вновь врождена. Врожденная особенность образа действия с давних пор называется инстинктом, особенность психического постижения объекта я предложил обозначить как архетип. Что следует понимать под инстинктом, я могу

предположить известным. Иначе обстоит дело с архетипом. Я понимаю под этим то самое, что я раньше, опираясь на Буркхардта (Jacob Burckhardt), обозначил как «первобытный образ» и описал в приложении к этой работе [1]). Архетип есть символическая формула, которая повсюду вступает в функцию там, где или не имеются сознательные понятия, или таковые по внутренним или внешним основаниям вообще невозможны. Содержания коллективного бессознательного представлены в сознании ясно выраженными наклонностями и воззрениями. Индивидуум обычно считает—по существу ошибочно,—что они обусловлены объектом, так как они происходят от бессознательной структуры души (Psyche) и воздействием объекта только выявляются. Эти субъективные наклонности и воззрения сильнее, чем влияние объекта, их психическая ценность выше, так что они покрывают собою все впечатления. Точно так, как интровертированному кажется непонятным, что объект всегда должен играть решающую роль, так и для экстравертированного остается загадкой, как субъективная точка зрения может оказаться сильнее объективной ситуации. Он неизбежно приходит к мнению, что интровертированный — или много мнящий о себе эгоист, или фанатик-доктринер. Он вскоре пришел бы к гипотезе, что интровертированный находится под влиянием бессознательного комплекса власти. Этому предубеждению интровертированный помогает без сомнения тем, что его определенный и сильно обобщенный способ выражения, который, повидимому, с самого начала исключает всякое другое мнение, оказывает содействие экстравертированному предрассудку. Кроме того, одна решительность и непреклонность субъективного суждения, которое a priori стоит над всем объективно данным, уже может быть достаточной для того, чтобы произвести впечатление сильной эгоцентричности. Против этого предубеждения у интровертированного по большей части нет правильного аргумента: он не знает о бессознательных, но вполне общеупотребительных предпосылках своего субъективного суждения или о своих субъективных восприятиях. Соответственно стилю своего времени он ищет вне своего сознания, а не за ним. Если у него имеется небольшой невроз, то это означает более или менее полную идентичность сознательной личности с личностью в целом, вследствие чего личность в целом в своем значении сводится к нулю, а сознательная личность, наоборот,

---

[1]) См. приведенное в приложении объяснение понятия «образ», стр. 91.

безгранично раздувается. Несомненная, мироопределяющая сила субъективного фактора втискивается тогда в сознательную личность, следствием чего являются несоразмерные претензии на власть и такой же нелепый эгоцентризм. Та психология, которая сводит сущность человека к бессознательному влечению к власти, родилась из этого начала. Многие безвкусицы Нитцше, например, обязаны своим существованием субъективированию сознания.

II. УСТАНОВКА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО.

Преимущественное положение субъективного фактора в сознании означает неполноценность объективного фактора. Объект не имеет того значения, которое ему в действительности надлежит иметь. Как в экстравертированной установке он играет слишком большую роль, так в интровертированной установке он имеет слишком мало значения. В той мере, в какой сознание интровертированного субъективируется и придает сознательной личности неподобающее значение, по отношению к объекту занимается позиция, которая со временем оказывается очень шаткой. Объект есть величина несомненной силы, в то время как сознательная личность есть нечто очень ограниченное и неустойчивое. Дело обстояло бы иначе, если бы объекту противополагалась личность в целом. Личность в целом и мир — соизмеримые величины, вследствие чего нормальная интровертированная установка является в такой же степени пригодной для проверки бытия, как и нормальная экстравертированная установка. Но если сознательная личность стремится придать себе значение субъекта, то естественным образом, как компенсация, происходит бессознательное укрепление влияния объекта. Это изменение проявляется в том, что на иногда просто судорожное усилие обеспечить превосходство сознательной личности объект и объективно данное оказывают чрезвычайно сильное влияние, которое тем более непреодолимо, что оно овладевает индивидуумом бессознательно, и благодаря этому навязываются сознания без всякого противодействия. Вследствие неправильного отношения сознательной личности к объекту — стремление к господству не есть приспособление — в бессознательном возникает компенсаторное отношение к объекту, которое проявляется в сознании, как необходимая и непреодолимая связь с объектом. Чем больше сознательная личность старается обеспечить себе всяческую свободу, независимость, свободу от обязанностей и превосходство, тем более попадает она в рабство объективно дан-

ного. Свобода духа привязывается на цепь постыдной финансовой зависимости, независимость поступков время от времени совершает робкое отступление перед общественным мнением, моральное превосходство попадает в трясину неполноценных отношений, стремление к господству кончается грустной тоскою по любви, бессознательное прежде всего устанавливает отношение к объекту, а именно такого рода и образа, которым свойственно в корне разрушить иллюзию власти и фантазию превосходства сознания. Объект, несмотря на сознательное уменьшение, принимает страшные размеры. Вследствие этого сознательная личность еще более старается отделить и преодолеть объект. В конце концов сознательная личность окружает себя формальной системой предохранительных мер (как это верно изобразил Адлер), которые стараются оправдать по крайней мере призрак превосходства. Этим, однако, интровертированный вполне отделяет себя от объекта и совершенно изводит себя с одной стороны мерами защиты, а с другой бесплодными попытками импонировать объекту и отстоять себя. Но эти старания всегда пересекаются преодолевающими впечатлениями, которые он получает от объекта. Против его воли объект постоянно ему импонирует, он вызывает у него неприятнейшие и продолжительнейшие аффекты и преследует его шаг за шагом. Ему всегда необходима огромная внутренняя работа для того, чтобы уметь «себя сдерживать». Поэтому типичной формой его невроза является психастения, болезнь, которая характеризуется с одной стороны большой чувствительностью, а с другой большой истощаемостью и хроническим утомлением.

Анализ личного бессознательного показывает большое количество фантазий мощи, соединенных со страхом перед насильно оживленными объектами, жертвой которых действительно легко становится интровертированный. А именно, из страха перед объектом развивается своеобразная трусость проявить себя или высказать свое мнение, так как он боится усиленного влияния объекта. Он боится сильно влияющих аффектов у других и едва может избавиться от страха попасть под чужое влияние. Объекты для него имеют возбуждающие страх мощные качества, которые он хотя не может замечать сознательно, но, как он думает, воспринимает своим бессознательным. Так как его сознательное отношение к объекту относительно подавлено, то оно идет через бессознательное, где оно наделяется качествами бессознательного. Эти качества, прежде всего, инфантильно-архаичны. Вследствие этого его

отношение к объекту становится примитивным и принимает все те свойства, которые характеризуют примитивное отношение к объекту. Именно тогда кажется, что объект обладает магической силой. Посторонние, новые объекты возбуждают страх и недоверие, как будто они скрывают неведомые опасности, давно знакомые объекты связаны с его душой как бы невидимыми нитями, каждое изменение является помехой, если не прямо опасным, так как оно означает, как кажется, магическое оживление объекта. Одинокий остров, на котором движется лишь то, чему позволяют двигаться, становится идеалом. Роман Вишера (F. Th. Vischer) «Auch Einer» отлично показывает эту сторону интровертированного состояния души, вместе со скрытой символикой коллективного бессознательного, которую я в этом описании типов оставляю в стороне, так как она принадлежит не только типу, но является всеобщей.

III. ОСОБЕННОСТИ ОСНОВНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ В ИНТРОВЕРТИРОВАННОЙ УСТАНОВКЕ.

1. Мышление.

При описании экстравертированного мышления я дал уже краткую характеристику интровертированного мышления, на которую я здесь могу снова сослаться. Интровертированное мышление ориентируется прежде всего на субъективный фактор. Субъективный фактор представлен по меньшей мере субъективной направленностью, которая, в конце концов, определяет суждение. Иногда масштабом служит более или менее готовый образ. Мышление может заниматься конкретными или абстрактными величинами, но в решительном месте оно всегда ориентируется на субъективно данное. Таким образом, от конкретного опыта оно приводит снова не к объективной вещи, а к субъективному содержанию. Внешние факты не являются причиной и целью этого мышления, хотя бы интровертированный очень часто придавал своему мышлению этот вид, но это мышление начинается в субъекте и приводит к субъекту, даже когда оно предпринимает самые пространные экскурсы в область реальной действительности. Поэтому для установления новых фактов оно имеет преимущественно не прямую ценность, так как продуктом его являются, главным образом, новые взгляды и, в гораздо меньшей степени, знание новых фактов. Оно ставит вопросы и творит теории, оно открывает возможность взглянуть вдаль и вглубь, но по отношению к фактам оно проявляет сдержанное по-

ведение. Они ему нужны как иллюстрирующие примеры, но они не должны перевешивать. Факты собираются только как средства для доказательства, но никогда не ради них самих. Если последнее имеет место, то только в качестве дополнения к экстравертированному стилю. Для этого мышления факты имеют второстепенное значение, а главную ценность для него имеют развитие и изложение субъективной идеи, первоначального символического образа, который более или менее неясно стоит перед его внутренним взором. Поэтому оно никогда не стремится к мысленной реконструкции конкретной действительности, но всегда к преображению неясного образа в ясную идею. Оно хочет добраться до действительности, оно хочет увидеть факты так, как они заполняют рамки его идеи, и его творческая сила проявляется в том, что это мышление может рождать даже те идеи, которые не лежат во внешних фактах и все таки являются самым подходящим абстрактным выражением их, и его задача исполнена, если созданная им идея кажется вытекающей из внешних фактов и через них может быть доказана ее действительность.

Но так же мало, как экстравертированному мышлению всегда удается выжать дельное опытное понятие из конкретных фактов или создать новые факты, так же мало везет интровертированному мышлению в постоянном превращении первоначального образа в приспособленную к фактам идею. Так же как в первом случае чисто эмпирическое накопление фактов уродует мысли и подавляет ум, так и интровертированное мышление проявляет опасную склонность насильственно придать фактам форму своего образа или совсем их игнорировать, чтобы суметь развернуть картину своей фантазии. В этом случае изображенная идея не сможет отрицать своего происхождения из темного архаического образа. Оно придает ей мифологическую черту, которую объясняют как «оригинальность» и в худших случаях как причудливость, так как ее архаический характер ученые специалисты, незнакомые с мифологическими мотивами, не распознают как таковой. Субъективная сила убеждения такой идеи обыкновенно велика и даже тем больше, чем менее она приходит в соприкосновение с внешними фактами. Хотя тому, кто защищает идею, может казаться, что его скудный фактический материал есть основа и причина достоверности и действительности его идеи, но это все таки не так, потому что идея получает силу своей убедительности из своего бессознательного архетипа, который как таковой является общезначимым и истинным и вечно будет

истинным. Но эта истина так обща и настолько символична, что она всегда должна сперва войти в признанные и признаваемые в то время знания, чтобы стать практической истиной некоторой жизненной ценности. Чем была бы, например, причинность, которую нигде нельзя было бы заметить в практических причинах и в практических действиях?

Это мышление легко теряется в необъятной истине субъективного фактора. Оно творит теории ради теорий, повидимому, имея в виду действительные или по крайней мере возможные факты, но с явной склонностью перейти от идеального к одной образности. Благодаря ему выявляется много возможностей, ни одна из которых, однако, не осуществляется, и в конце концов создаются образы, которые вообще не выражают уже внешне действительное, но являются одними символами только непознаваемого. Вследствие этого это мышление становится мистическим и настолько же бесплодным, как мышление, которое совершается только в рамках объективных фактов. Так же, как последнее опускается до уровня конкретного представления, так первое подымается к представлению непостижимого, которое находится даже по ту сторону всякой образности. Конкретное представление неоспоримо истинно, так как субъективный фактор исключен, и факты доказывают себя из самих себя. Так же и представление непостижимого обладает субъективно непосредственной, убеждающей силой и доказывает себя из своего собственного существования. Первое говорит: Est, ergo est; второе, напротив, говорит: Cogito, ergo est. Доведенное до крайности интровертированное мышление приходит к очевидности своего собственного субъективного бытия, экстравертированное мышление, напротив, — к очевидности своей полной тождественности с объективными фактами. И так как одно отрицает само себя благодаря полному растворению в объекте, так другое освобождается от всякого содержания и довольствуется одним своим существованием. Этим в обоих случаях дальнейшее движение жизни вытесняется из функции мышления в область других психических функций, которые до того существовали относительно бессознательно. Исключительная бедность интровертированного мышления объективными фактами компенсируется полнотою бессознательных фактов. Чем более мыслительная функция заключает сознание в самый узкий и возможно более пустой круг, который, однако, как кажется, содержит всю полноту божества, тем более обогащается бессознательная фантазия множеством архаически образованных фактов, пан-

демониумом магических и иррациональных величин, которые, смотря по роду функции, первой сменяющей мыслительную функцию как носительницу жизни, получают особый вид. Если это интуитивная функция, то другая сторона рассматривается глазами Кубина (Kubin) или Мейеринка (Meyrink). Если это эмоциональная функция, то получаются дотоле неслыханные эмоциональные отношения и эмоциональные суждения противоречивого и непонятного характера. Если это сенсорная функция, то органы чувств открывают нечто новое, никогда ранее не ощущавшееся внутри и вне собственного тела. Ближайшее исследование этих изменений легко может показать возникновение примитивной психологии со всеми ее признаками. Конечно, содержание получаемого опыта не только примитивно, но и символично и, чем более древним и первоначальным оно выглядит, тем более оно достоверно для будущего. Потому что все древнее нашего бессознательного означает грядущее. При обыкновенных обстоятельствах переход на «другую сторону» не удается, не говоря уже об освобождающем прохождении через бессознательное. Переходу по большей части препятствует сознательное противодействие против подчинения сознательной личности бессознательной действительности, обусловливающей реальность бессознательного объекта. Это состояние есть диссоциация, другими словами, невроз с характером внутреннего изнурения и наростающего истощения головного мозга, психастении.

2. Интровертированный мыслительный тип.

Точно так же как Дарвина можно было бы изобразить, как нормальный экстравертированный мыслительный тип, так можно было бы указать для примера на Канта, как на противостоящий интровертированный мыслительный тип. Так же как первый говорит фактами, так последний основывается на субъективном факторе. Дарвин стремится к широкому полю объективной действительности, Кант, напротив, оставляет за собою критику познания вообще. Если мы возьмем Кювье и противопоставим ему Нитцше, то контраст будет еще острее.

Интровертированное мышление характеризуется преобладанием выше описанного мышления. Оно, как и экстравертированный параллельный ему случай, находится под преобладающим влиянием идей, которые, происходят, однако, не из объективно данного, но из субъективного основания. Он, как и экстравертированный, будет следовать своим идеям, но в обратном направле-

нии, не кнаружи, а внутрь. Он стремится к углублению, а не к расширению. Этой основой он в очень значительной мере и несомненным образом отличается от параллельного ему экстравертированного случая. То, что отличает экстравертированного, а именно его интенсивная относимость (Bezogenheit) к объекту, обычно почти полностью отсутствует у него, как, впрочем, у всякого интровертированного типа. Если объектом является человек, то этот человек ясно чувствует, что собственно он рассматривается только негативно, т. е. в более легких случаях он сознает, что он лишний, а в худших он чувствует, что его прямо отвергают, как помеху. Это негативное отношение к объекту, эта индифферентность до отвержения характеризует каждого интровертированного и вообще чрезвычайно затрудняет описание интровертированного типа. Все в нем проявляет тенденцию к исчезанию и скрытности. Его суждение кажется холодным, не гибким, произвольным и легкомысленным, потому что оно менее относится к объекту, чем к субъекту. В нем совсем не чувствуется того, что придает объекту несколько большую ценность, но оно всегда несколько уходит за объект и дает почувствовать превосходство субъекта. Вежливость, любезность и приветливость могут быть налицо, но часто с особенным привкусом известной робости, которая выдает скрытое намерение, а именно намерение обезоружить противника. Его нужно успокоить, потому что иначе он начнет мешать. Он даже не противник, но, если он чуток, то он чувствует, что его некоторым образом отталкивают, быть может, даже не придают ему никакой цены. Объект всегда находится в некотором пренебрежении или, в худших случаях, окружается излишними мерами предосторожности. Таким образом, этот тип легко исчезает за облаком недоразумений, которое становится тем гуще, чем более он для компенсации старается с помощью своих неполноценных функций надеть маску учтивости, которая, однако, находится в самом резком контрасте с его действительной сущностью. Если при построении своего идеального мира он не пугается самого смелого дерзания и не отбрасывает ни одной мысли потому, что она может быть опасной, революционной, еретичной или оскорбительной для чувств, то его охватывает величайшая робость, если дерзание должно стать внешней действительностью. Это противно его натуре. Если даже он проводит свои мысли в мир, то он не ведет их как заботливая мать своих детей, но он выпускает их и весьма досадует, если они сами не пробивают себе дороги. Его по большей

части громадная практическая неприспособленность или его предубеждение к рекламе во всяком смысле оказывают ему содействие в этом. Если его продукция кажется ему субъективно правильной и истинной, то она и должна быть правильной, и другим остается только преклониться перед этой истиной. Он не пошевельнется даже, чтобы привлечь на сторону своих идей кого-нибудь, особенно кого-нибудь пользующегося вниманием. И если он это делает, то делает по большей части так неумело, что он достигает противоположных своему намерению результатов. С конкуррентами в собственной специальности у него по большей части плохие отношения, так как он никогда не умеет снискать их расположение; обычно он даже дает им понять, насколько они не нужны ему. В преследовании своих идей он по большей части упрям, упорен и не поддается влиянию. Изредка контрастом к этому является его внушаемость по отношению к личным влияниям. Если объект кажется безопасным, то этот тип чрезвычайно доступен как раз неполноценным элементам. Они овладевают им через бессознательное. Он позволяет грубо обходиться с собою и дает эксплоатировать себя самым постыдным образом, если только ему не мешают преследовать свои идеи. Он не видит, когда за его спиной его грабят и практически вредят ему, так как его отношение к объекту имеет для него второстепенное значение и объективная оценка его продукции ему неизвестна. Когда он выдумывает возможность осуществления своей проблемы, то он усложняет ее и поэтому его охватывают всевозможные сомнения. Насколько ясна ему внутренняя структура его мыслей, настолько неясно ему, где и когда они найдут место в действительном мире. Он с трудом может предположить, что то, что ему ясно, не всякому кажется ясным. Его стиль по большей части затруднен всякими прибавками, ограничениями, предосторожностями, сомнениями, которые происходят от его недоверчивости. Работа у него подвигается с трудом. Или он молчалив, или он попадает на людей, которые его не понимают; этим путем он накопляет доказательства неизмеримой глупости людей. Если же его когда-нибудь случайно поймут, то он впадает в легковерную переоценку. Он легко становится жертвой честолюбивой женщины, которая умеет использовать его отсутствие критики по отношению к объекту, или он объясняется перед мизантропическими юношами с детским сердцем. Часто его внешнее поведение неумело, чтобы избежать внимания, педантично заботливо или заметно беззаботно, полно детской наивности. В специальной

области своей работы он возбуждает сильнейшие возражения, с которыми он не знает, что делать, если только, благодаря своему примитивному аффекту, он не дает вовлечь себя в настолько же язвительную, сколько бесплодную полемику. В широких кругах он считается беззастенчивым и властным. Чем короче его узнают, тем благосклоннее становится суждение о нем, и его ближние умеют высоко ценить близость к нему. Далеко от него стоящим он кажется строптивым, недоступным, высокомерным, часто даже озлобленным вследствие своего неблагоприятного предубеждения против общества. Лично, как учитель, он имеет мало влияния, так как ему неизвестен строй ума его учеников. Учение в своем основании даже не интересует его, если только оно случайно не является для него теоретической проблемой. Он плохой учитель, так как во время учения он обдумывает предмет учения, а не довольствуется изложением его.

С усилением его типа, его убеждения становятся неподвижнее и непреклоннее. Посторонние влияния исключаются, и для посторонних он становится лично несимпатичнее и поэтому больше зависит от близких. Его язык становится более индивидуальным и еще менее связанным нормами, и его идеи становятся глубокими, но уже не могут удовлетворительно быть выраженными имеющимся материалом. Недостаток заменяется эмотивностью и чувствительностью. Чужое влияние, которое он внешне резко отклоняет, захватывает его изнутри, со стороны бессознательного, и он должен собирать доказательства против него и как раз против вещей, которые посторонним кажутся совершенно ненужными. Так как вследствие недостатка отношения к объекту его сознание субъективируется, то самым важным ему кажется то, что больше всего подходит к тайникам его личности. И он начинает смешивать свою субъективную истину со своей личностью. Хотя он не будет никого лично притеснять за его убеждения, но он ядовито, задевая личность, нападет на всякую, даже справедливую критику. Этим он постепенно изолирует себя во всяком смысле. Его первоначально плодотворные идеи становятся разрушительными, так как они отравляются осадком озлобления. С изоляцией во вне растет борьба с бессознательным влиянием, которое постепенно начинает его парализовать. Усиленное влечение к одиночеству должно защитить его от бессознательных влияний, но обычно оно ведет его глубже в конфликт, который внутренне его истощает.

Мышление интровертированного типа позитивно и синтетично в смысле развития идей, которые в возрастающей степени прибли-

жаются к вечной действительности первоначальных образов. Но если ослабляется их связь с объективным опытом, то они становятся мифологическими и для современного положения вещей ложными. Поэтому это мышление лишь до тех пор ценно для современников, пока оно стоит в ясной и понятной связи с известными в то время фактами. Если же мышление делается мифологическим, то оно становится чуждым и протекает в себе самом. Противостоящие этому мышлению относительно бессознательные функции эмоции, интуиции и ощущения неполноценны и имеют примитивно экстравертированный характер, которому следует приписать все тягостные влияния объекта, которым подвержен интровертированный мыслительный тип. Меры самозащиты и заграждения, которыми такие люди обычно окружают себя, достаточно известны, так что я могу избавить себя от их описания. Все это служит для защиты от «магических» воздействий; сюда относится также страх перед женским полом.

3. Эмоции.

Интровертированное чувствование определяется, главным образом, субъективным фактором. Это означает для эмоционального суждения настолько же существенное различие от экстравертированного чувствования, как интроверсия мышления от экстраверсии. Без сомнения интеллектуальное изложение или даже приблизительное описание интровертированного эмоционального процесса относится к самым трудным вещам, хотя своеобразная сущность этого чувствования неизбежно бросается в глаза, если только вообще на него обращают внимание. Так как это чувствование подчиняется, главным образом, субъективным предварительным условиям и объект имеет для него второстепенное значение, то оно проявляется значительно меньше и обычно превратно понимается. Это чувствование, которое повидимому лишает объект его значения, поэтому проявляется по большей части негативно. Существование негативных эмоций можно открыть, так сказать, только косвенным образом. Они стараются не приспособиться к объективному, но поставить себя выше его, так как они стараются осуществить лежащие в их основе образы. Они поэтому всегда стремятся к образу, которого в действительности нельзя найти и который в известной мере им являлся раньше. Они видимо скользят мимо объекта, который никогда не подходит для их цели, не обращая на него внимание. Они стремятся к внутренней интенсивности, для которой

объекты являются только возбудителем. О глубине этих эмоций можно только догадываться, но ясно понять ее нельзя. Они делают человека молчаливым и трудно доступным, так как они свертываются, подобно мимозе, перед грубостью объекта, чтобы заполнить глубину субъекта. Для защиты они выдвигают негативные эмоциональные суждения и проявляют подчеркнутое равнодушие.

Первоначальные образы, как известно, являются настолько же идеями, как и эмоциями. Поэтому и основные идеи, как бог, свобода и бессмертие, являются в такой же мере эмоциональными ценностями, насколько они имеют значение как идеи. Поэтому все то, что было сказано об интровертированном мышлении, можно перенести и на интровертированное чувствование, только здесь прочувствуется все то, что там продумывалось. Но тот факт, что мысли обычно могут быть выражены более понятно, чем эмоции, обусловливает при этом чувствовании необходимость необычной словесной или художественной способности выражения, для того чтобы только приблизительно внешне выразить или передать его богатство. Если субъективное мышление, вследствие своей безотносительности, лишь с трудом может вызвать адекватное понимание, то может быть еще в большей мере это имеет значение для субъективного чувствования. Чтобы сообщиться другому, оно должно найти внешнюю форму, которая способна, с одной стороны, соответственно выразить субъективное чувствование, а с другой — так передать его ближнему, чтобы в нем возник параллельный процесс. Вследствие относительно большого внутреннего (как и внешнего) сходства людей этот эффект может быть достигнут, хотя чрезвычайно трудно найти соответствующую эмоциям форму, пока именно чувствование в действительности ориентируется главным образом на сокровищницу первоначальных образов. Если же благодаря эгоцентричности оно становится поддельным, то оно теряет симпатичность, так как в этом случае оно занимается преимущественно сознательной личностью. Тогда оно неизбежно производит впечатление сентиментального самолюбия, желания заинтересовать собою и даже болезненного самолюбования. Так же как субъективированное сознание интровертированного мыслителя стремится к абстрации абстракций и этим достигает только высочайшей интенсивности пустого в себе мыслительного процесса, так и эгоцентрическое чувствование углубляется до бессодержательной страстности, которая чувствует только самое себя. Эта ступень является мистически-экстатической и подготовляет переход к подавленным чувствованием экстравертированным

функциям. Так же как интровертированному мышлению противополагается примитивное чувствование, которому объекты навязываются магической силой, так против интровертированного чувствования выступает примитивное мышление, которое находит себе выражение в конкретизме и рабском подчинении фактам. Чувствование все более эмансипируется от отношения к объекту и создает себе только субъективно связанную свободу действия и совести, которая в данном случае расходится со всем обычно принятым. Но тем более бессознательное мышление попадает во власть объективного.

4. Интровертированный эмоциональный тип.

Преобладание интровертированного чувствования я нашел главным образом среди женщин. Пословица «Тихая вода — глубока» касается этих женщин. Они по большей части молчаливы, трудно доступны, непонятны, часто скрываются за детской или банальной маской, часто также бывают меланхолического темперамента. Они не блистают и не выдвигаются вперед. Так как они руководятся преимущественно своими субъективно ориентированными эмоциями, то их истинные мотивы остаются по большей части скрытыми. Внешне они гармонически ничем не выделяются, проявляют приятное спокойствие, симпатический параллелизм, который не хочет принуждать другого, влиять на него или даже воспитывать и изменить его. Если эта внешняя сторона несколько более выражена, то появляется легкий оттенок индифферентности и холодности, который может усилиться до равнодушия к благополучию и несчастию другого. Тогда ясно чувствуется, как эмоции отворачиваются от объекта. У нормального типа этот случай, конечно, бывает только тогда, когда объект каким-нибудь образом слишком сильно воздействует. Гармоническая параллельность эмоций, поэтому, имеет место лишь до тех пор, пока объект при среднем состоянии эмоций двигается по своему собственному пути и не старается пересечь путь эмоций. Настоящие эмоции объекта не сопровождаются, а смягчаются и сдерживаются, или лучше сказать «охлаждаются» негативным эмоциональным суждением. Хотя всегда имеется готовность к спокойному и гармоничному протеканию рядом друг с другом, но по отношению к чужому объекту проявляется не любезность, не теплая предупредительность, но кажущееся индифферентным, холодное до пренебрежения, отношение. Иногда начинают чувствовать ненужность собственного существования. По отноше-

нию к тому, в чем имеется порыв, энтузиазм, этот тип соблюдает сначала благожелательный нейтралитет, иногда с легким оттенком превосходства и критики, которые действуют расхолаживающе на впечатлительный объект. Но агрессивная эмоция может быть резко отражена с убийственной холодностью, если только случайно она не овладевает индивидуумом через бессознательное, т. е., другими словами, оживляет какой-нибудь первоначальный эмоциональный образ и тем захватывает в нем чувствование этого типа. В этом случае такая женщина почувствует просто мгновенный паралич, которому в дальнейшем будет оказано тем более сильное противодействие, поражающее объект в самое уязвимое место. Отношение к объекту по возможности сохраняется в спокойном и безопасном среднем состоянии эмоций, между упорным сдерживанием страсти и ее безграничностью. Выражение эмоций поэтому остается умеренным, и объект всегда чувствует свою недооценку, если он ее сознает. Это, конечно, случается не всегда, так как недостаточность очень часто остается неосознанной, но зато со временем, вследствие бессознательных притязаний эмоций, развиваются симптомы, которые принуждают к усиленному вниманию. Так как этот тип по большей части холоден и сдержан, то поверхностное суждение легко отказывает ему во всякой эмоции. Но это в основе ложно, так как эмоции хотя не экстенсивны, но интенсивны. Они развиваются в глубину. В то время, например, как экстенсивное чувство сострадания выражается в надлежащем месте словами и поступками и тотчас может снова освободиться от этого впечатления,— интенсивное сострадание замыкается перед всяким выражением и достигает болезненной глубины, которая объемлет бедствие мира и потому немеет. Быть может, оно внезапно проявится в избытке и приведет к изумляющему поступку, так сказать, героического характера, к которому, однако, ни объект, ни субъект не могут найти правильного отношения. Внешне слепому глазу экстравертированного это сострадание кажется холодностью, так как оно не совершает ничего ощутимого, а в невидимые силы экстравертированное сознание не может верить. Это недоразумение является характерным событием в жизни этого типа и обычно учитывается как важный аргумент против всякого глубокого эмоционального отношения к объекту. Но о том, что составляет действительный предмет этого чувствования, даже нормальный тип может только догадываться. Перед самим собою он выражает свою цель и свое содержание, быть может, в скрытой и боязливо хранимой от глаз

профана религиозности, или в такой же не вызывающей изумления поэтической форме, не без тайного честолюбивого стремления осуществить этим превосходство над объектом. Женщины, которые имеют детей, вкладывают в них много от этого, тайно внушая им свою страстность.

Хотя у нормального типа указанная тенденция—явно и открыто поставить скрытую эмоцию выше объекта или насильно навязать ее ему — не играет роли помехи, и никогда не ведет к серьезной попытке в этом направлении, но все таки кое что от этого просачивается в личном действии на объект, в форме часто с трудом определяемого доминирующего влияния. Оно ощущается как угнетающее или удушающее чувство, которое отдаляет окружающее. Благодаря этому этот тип приобретает известную таинственную силу, которая может в высокой степени очаровать именно экстравертированного человека, потому что она затрагивает его бессознательное. Эта сила проистекает из прочувствованных бессознательных образов, но легко переносится с бессознательного на сознательную личность, благодаря чему влияние искажается в смысле личной тирании. Но когда бессознательный субъект идентифицируется с сознательной личностью, то и таинственная сила интенсивных эмоций превращается в банальное и высокомерное стремление к господству, в суетность и тираническое самодурство. Отсюда происходит тип женщины, которая известна с невыгодной стороны своим мнительным честолюбием и своей злобной жестокостью. Но такое направление ведет к неврозу.

Пока сознательная личность чувствует себя ниже высоты бессознательного субъекта, и эмоции заключают в себе более высокое и более могущественное, чем сознательная личность,—тип является нормальным. Бессознательное мышление хотя архаично, но компенсирует, оказывая помощь уменьшением случайных попыток возвысить сознательную личность в субъект. Но если все таки, благодаря полному подавлению смягчающего влияния бессознательного мышления, это случается, то бессознательное мышление становится в оппозицию и проецируется в объекты. Благодаря этому ставший эгоцентричным субъект начинает чувствовать силу и значение лишенного ценности объекта. Сознание начинает чувствовать, «что думают другие». Конечно, другие думают все возможные низости, замышляют зло, тайно травят и интригуют и т. д. Субъект должен это предупредить тем, что он сам заранее начинает интриговать и подозревать, выведывать и комбинировать. Над ним приобретают

влияние слухи, и нужно употребить судорожные усилия, чтобы угрожающее подчинение превратить по возможности в превосходство. Появляются бесконечные соперничества и в этих ожесточенных схватках не только не страшатся всякого плохого и низкого средства, но и добродетель употребляется во зло, лишь бы только сыграть козырем. Такое развитие ведет к истощению. Форма невроза менее истерична, чем неврастенична, у женщин часто с сильным участием соматических состояний, например, анемии с последующими состояниями.

5. Общий обзор рациональных типов.

Оба предшествующие типа рациональны, так как они основываются на разумно рассуждающих функциях. Разумное суждение основывается не только на объективно данном, но и на субъективном. Перевес того или иного фактора, часто обусловленный существующим с ранней юности психическим предрасположением, конечно, угнетает разум. Действительно разумное суждение должно основываться настолько же на объективном, как и на субъективном факторе и уметь удовлетворить оба. Но это было бы идеальным случаем и предполагало бы равномерное развитие экстраверсии и интроверсии. Но оба движения исключают друг друга, и, пока их дилемма остается, вообще могут существовать не одно рядом с другим, а в лучшем случае одно за другим. Поэтому при обыкновенных обстоятельствах идеальный разум невозможен. Рациональный тип обладает всегда разумом с типическим изменением. Так, интровертированные рациональные типы обладают без сомнения разумным суждением, только это суждение соображается с субъективным фактором. Нет никакой надобности насиловать логику, так как односторонность заключается в посылке. Посылка есть существующий до всяких заключений и суждений перевес субъективного фактора. Он a priori выступает с само собою разумеющейся более высокой ценностью, чем объективный. При этом, как уже сказано, дело идет не о какой-нибудь приобретенной ценности, но о существующем до всякой оценки природном предрасположении. Поэтому разумное суждение интровертированному необходимо кажется в некоторых нюансах иным, чем экстравертированному. Так, чтобы упомянуть о самом общем случае, интровертированному та цепь заключений, которая ведет к субъективному фактору, кажется несколько более разумной, чем та, которая ведет к объекту. Это в отдельном случае сначала ничтожное, почти незаметное различие

при больших величинах вызывает несоединимые противоречия, которые тем более раздражают, чем менее в единичном случае является осознанным через психологическую посылку минимальный сдвиг точки зрения. Главная ошибка, которая происходит при этом, заключается в том, что стараются доказать ошибку в заключении, вместо того, чтобы признать различие в психологической посылке. Такое признание с трудом дается всякому рациональному типу, так как оно подрывает повидимому абсолютное значение его принципа и выдает его тому, что является его противоположностью, что равняется катастрофе.

Интровертированный тип не понимают, быть может, еще больше, чем экстравертированный; и не потому, что экстравертированный по отношению к нему является еще более беспощадным и критикующим противником, чем он сам мог бы быть, но потому что стиль эпохи, которому он подражает, против него. Он находится в меньшинстве — и даже не численно, а по своим эмоциям, — по отношению не к экстравертированному, а к нашему общему западному мировоззрению. Так как он убежденно подражает общему стилю, он подкапывается под самого себя, потому что современный стиль с его почти исключительным признанием видимого и ощутимого — против его принципа. Он должен обесценить субъективный фактор вследствие его невидимости и принудить себя к подражанию экстравертированной переоценке объекта. Он сам оценивает субъективный фактор слишком низко и испытывает поэтому чувство неполноценности. Поэтому нет ничего удивительного, что как раз в наше время и особенно в тех движениях, которые идут несколько впереди современности, субъективный фактор выражается преувеличенным, а потому безвкусным и каррикатурным образом. Я говорю о современном искусстве. Недооценка собственного принципа делает интровертированного эгоистичным и навязывает ему психологию угнетенного. Чем он становится эгоистичнее, тем больше ему кажется, что другие, которые как будто вполне могут подражать современному стилю, являются угнетателями, от которых он должен защищаться и обороняться. Он по большей части не замечает, что его главная ошибка заключается в том, что он не придерживается субъективного фактора с той верностью и преданностью, с какой экстравертированный следует объекту. Благодаря недооценке собственного принципа его склонность к эгоизму становится неизбежной и этим, кроме того, он возбуждает против себя предубеждение экстравертированного. Но если бы он оставался верен своему прин-

ципу, то допустимость его установки подтвердилась бы ее общими действиями и рассеяла бы недоразумения.

6. Ощущение.

Ощущение, которое по всей своей сущности не может существовать без объекта и объективного раздражения, в интровертированной установке подлежит значительному изменению. Оно также обладает субъективным фактором, так как рядом с объектом, который ощущается, стоит субъект, который ощущает и который в объективное раздражение привносит субъективное предрасположение. В интровертированной установке ощущение основывается преимущественно на субъективной части перцепции.

Что под этим понимается, становится особенно ясным из художественных произведений, воспроизводящих внешние объекты. Если, например, несколько художников будут писать один и тот же ландшафт, стараясь передать его точно, то все таки каждая картина будет отличаться от другой, не только просто в силу более или менее развитого умения, но главным образом вследствие различного видения, и в некоторых картинах выступит даже ясно выраженное психическое различие в расположении и движении красок и фигур. Эти свойства обнаруживают более или менее сильное содействие субъективного фактора. Субъективный фактор ощущения по существу такой же, как для других функций, о которых уже было сказано. Он является бессознательным предрасположением, которое изменяет восприятия органов чувств уже при их возникновении и этим лишает их характера чистого воздействия объекта. В этом случае ощущение относится преимущественно на субъект и только после того на объект. Как исключительно может быть силен субъективный фактор, наиболее ясным образом показывает нам искусство. Перевес субъективного фактора иногда доходит до полного подавления простого действия объекта, и все таки ощущение при этом остается ощущением, хотя тогда оно, конечно, становится восприятием субъективного фактора, и действие объекта спускается до степени простого возбудителя. Интровертированное ощущение развивается в этом направлении. Хотя существует правильное восприятие органов чувств, но кажется, будто объекты не настоящим образом запечатлеваются в субъекте, но будто бы субъект видит вещи совсем иначе или видит другие вещи, чем прочие люди. В действительности субъект правильно воспринимает те же вещи, что и всякий другой, но при этом не останавливается на

чистом воздействии объекта, а занимается субъективным восприятием, вызванным объективным раздражением. Субъективное восприятие заметно отличается от объективного. Его или совсем нельзя найти в объекте, или в лучшем случае можно найти только как намек, т. е., хотя оно может быть сходным у других людей, но его нельзя обосновать непосредственно из объективного действия вещи. Оно не производит впечатления продукта сознания, оно слишком естественно для этого. Но оно производит впечатление психического, так как в нем можно признать элементы высшего психического порядка. Но этот порядок не согласуется с содержанием сознания. Дело идет о коллективно-бессознательных предпосылках или предрасположениях, о мифологических образах, первоначальных возможностях представлений. Субъективное восприятие имеет характер предзнаменования. Оно говорит больше, чем чистый образ объекта, конечно, только тому, кому субъективный фактор вообще что-нибудь говорит. Другому кажется, что воспроизведенное субъективное впечатление страдает тем недостатком, что оно не обладает достаточным сходством с объектом и потому не достигает своей цели. Субъективное ощущение поэтому постигает скорее глубины психического мира, чем его поверхность. Решающим является ощущение не реальности объекта, а реальности субъективного фактора, а именно первоначальных образов, которые в своей совокупности представляют отраженный в зеркале психический мир. Это зеркало, однако, имеет своеобразную способность изображать современное содержание сознания не в их знакомой нам обыкновенной форме, но в известном смысле sub specie aeternitatis, а именно приблизительно так, как выглядело бы сознание, имеющее миллион лет. Такое сознание видело бы происхождение и исчезновение вещи одновременно с ее нынешним и настоящим бытием, и не только это, но вместе с тем и другое, что существовало до ее происхождения и будет существовать после ее исчезновения. Настоящий момент кажется этому сознанию неправдоподобным. Конечно, это только образное сравнение, в котором я, однако, нуждаюсь, чтобы в некоторой мере сделать наглядным интровертированное ощущение. Субъективное ощущение вызывает образ, который воспроизводит объект, чем покрывает объект налетом древнейшего и будущего субъективного опыта. Этим простое впечатление органов чувств развивается в глубину, богатую возможностью предчувствования, в то время как экстравертированное ощущение постигает настоящее и открыто находящееся на виду бытие вещи.

7. Интровертированный сенсорный тип.

Преобладанние интровертированного ощущения создает определенный тип, который отличается известными особенностями. Это иррациональный тип, так как из происходящего он делает выбор, не руководствуясь преимущественно разумным суждением, но основывается на том, что именно происходит. В то время как экстравертированный сенсорный тип определяется интенсивностью воздействия объекта, интровертированный ориентируется на интенсивность вызванного объективным раздражением участия субъективного ощущения. При этом возникает, очевидно, не пропорциональная связь между объектом и ощущением, но, повидимому, совершенно неопределенная и произвольная. Поэтому внешне, так сказать, никогда нельзя предвидеть, что произведет впечатление и что не произведет. Если бы существовала пропорциональная силе ощущения способность и готовность выражения, то иррациональность этого типа была бы чрезвычайно заметной. Такой случай, например, бывает, когда индивидуум бывает продуктивным художником. Но так как это исключительный случай, то характерная для интровертированного трудность выражения скрывает так же его иррациональность. Он может, наоборот, обращать на себя внимание своим спокойствием или пассивностью, или разумным самообладанием. Эта особенность, которая вводит в заблуждение поверхностное суждение, обязана своим существованием независимостью от объекта. В нормальном случае объект сознательно не обесценивается, но его лишают его соблазна тем, что он тотчас заменяется субъективной реакцией, которая более не имеет отношения к действительности объекта. Это, конечно, действует, как лишение объекта его цены. Такой тип легко может спросить кого-нибудь, для чего вообще существуют, чем объекты вообще еще оправдывают свое существование, так как все существенное происходит без объектов. Это сомнение имеет право на существование в крайних случаях, но не в нормальном, так как объективное раздражение необходимо для ощущения, но только оно вызывает нечто другое, чем это можно было бы предположить по внешнему положению вещей. Внешне это выглядит так, как будто действие объекта вообще не доходит до субъекта. Это впечатление правильно постольку, поскольку субъективное, происходящее из бессознательного содержание втискивается между ними и перехватывает воздействие объекта. Это вмешательство может произойти с такой резкостью, что получается

впечатление, будто индивидуум непосредственно защищается от воздействия объекта. В случае какого-нибудь усиления такая оборонительная защита происходит в действительности. Когда бессознательное хоть немного усиливается, субъективная часть ощущения становится настолько живой, что она почти полностью покрывает воздействие объекта. Отсюда происходит с одной стороны — для объекта — чувство полного обесценения, с другой стороны — для субъекта — иллюзорное понимание действительности, которое, конечно, только в болезненных случаях, может дойти до того, что индивидуум не в состоянии более различать между действительным объектом и субъективным восприятием. Хотя это важное различение полностью исчезает только в состоянии, приближающемся к психотическому, но все таки субъективное восприятие задолго до того может влиять на мышление, чувствование и поступки, несмотря на то, что объект ясно виден во всей своей действительности. В тех случаях, когда воздействие объекта, вследствие особых обстоятельств, например, вследствие особенной интенсивности или полной аналогии с бессознательным образом, доходит до субъекта, такой даже нормальный тип бывает вынужденным поступать согласно своему бессознательному оригиналу. Этот образ действия по отношению к объективной действительности имеет иллюзионный характер и потому кажется чрезвычайно странным. Он сразу выявляет чуждую действительности субъективность этого типа. Но там, где воздействие объекта проникает не полностью, там оно встречает мало проявляющий участие благожелательный нейтралитет, который вынужден постоянно успокаивать и уравнивать. Слишком низкое несколько возвышается; слишком высокое немного принижается, проявляющее энтузиазм смягчается, экстравагантное сдерживается, и необычайное приводится к «настоящей» формуле,—все это для того, чтобы держать воздействие объекта в необходимых пределах. Этим также этот тип действует угнетающе на окружающее, если только его полная безвредность не стоит вне всякого сомнения. Но в этом последнем случае индивидуум легко становится жертвой агрессивности и стремления к господству других. Такие люди обыкновенно позволяют злоупотреблять собою и отплачивают за это усиленным сопротивлением и упрямством в неуместном случае. Если отсутствует способность художественного выражения, то все впечатления идут внутрь, в глубину, и не допускают действия сознания, лишая его возможности приобрести господство над очаровывающим впечатлением посред-

ством сознательного выражения. Для своих впечатлений этот тип относительно располагает только архаическими возможностями выражения, потому что мышление и чувствование являются относительно бессознательными, а поскольку они сознательны, они располагают только необходимыми, банальными и повседневными выражениями. Поэтому, как сознательные функции, они совершенно неспособны адэкватно передать субъективные восприятия. Поэтому этот тип с чрезвычайным трудом открывается объективному пониманию, и даже себе подобному он по большей части остается непонятным.

Его развитие отдаляет его, главным образом, от действительности объекта и отдает его во власть его субъективных восприятий, которые ориентируют его сознание в смысле архаической действительности, хотя этот факт, вследствие недостатка в сравнивающем суждении, остается для него совершенно неосознанным. В действительности же он вращается в мифологическом мире, в котором люди, животные, железные дороги, дома, реки и горы кажутся ему частью благосклонными богами, частью недоброкачественными демонами. То, что они кажутся ему такими, он не осознает. Но они действуют, как таковые, на его суждения и поступки. Он судит и поступает так, как будто он имеет дело с такими силами. Он начинает замечать это только тогда, когда он открывает, что его ощущения совершенно отличны от действительности. Если он более склонен к объективному разуму, то это различие покажется ему патологическим, если же, напротив, верный своей иррациональности, он готов придать своему ощущению ценность реальности, то объективный мир становится для него призраком и комедией. Но до этой диллеммы доходят только склонные к крайности случаи. Обыкновенно индивидуум довольствуется своей замкнутостью и банальностью действительности, которую он бессознательно трактует архаически.

Его бессознательное проявляется, главным образом, в подавлении интуиции, которая имеет экстравертированный и архаический характер. В то время, как экстравертированная интуиция обладает той характерной способностью находить путь «хорошим нюхом» ко всем возможностям объективной действительности, архаическая экстравертированная интуиция обладает чутьем ко всем двусмысленным, темным, грязным и опасным задним сторонам действительности. Для такой интуиции действительное и сознательное намерение субъекта ничего не означает, но за ним оно чует все возможности архаической подготовки такого намерения. Поэтому оно заключает в себе

даже нечто опасное, подрывающее, которое часто находится в резком контрасте к благожелательной безвредности сознания. Пока индивидуум удаляется не слишком далеко от объекта, бессознательная интуиция действует как благотворная компенсация к несколько фантастической и склонной к легковерности установке сознания. Но если бессознательное становится в оппозицию к сознанию, то интуиции выступают на поверхность и проявляют свои пагубные воздействия, насильственно навязываясь индивидууму и вызывая навязчивые представления самого неприятного рода об объекте. Происходящий отсюда невроз бывает обыкновенно навязчивым неврозом, в котором за симптомами истощения скрываются истерические черты.

8. Интуиция.

Интуиция в интровертированной установке направляется на внутренние объекты, как с полным правом можно обозначить элементы бессознательного. Внутренние объекты относятся к сознанию совершенно аналогично внешним объектам, хотя они обладают не психической, а психологической реальностью. Внутренние объекты кажутся интуитивному восприятию субъективными образами вещей, которых нельзя найти во внешнем опыте, но которые составляют содержания бессознательного, в конечном результате, коллективного бессознательного. Эти содержания сами по себе, конечно, недоступны опыту,—свойство, которое они разделяют со внешними объектами. Так же, как внешние объекты только весьма относительно таковы, какими мы их перцепируем, так относительны и формы явлений внутренних объектов,—продукты их недоступной нам сущности и своеобразия, интуитивной функции. Так же, как ощущение, интуиция имеет свой субъективный фактор, который в экстравертированной интуиции по возможности подавлен, а в интровертированной — становится величиной, служащей мерилом. Если даже для интровертированной интуиции служат поводом внешние объекты, то она не задерживается на внешних возможностях, но останавливается на том, что внутренне вызывается внешними обстоятельствами. В то время как интровертированное ощущение ограничивается главным образом восприятием своеобразных явлений иннервации через бессознательное и останавливается на них, интуиция подавляет эту сторону субъективного фактора и воспринимает образ, который вызвал эту иннервацию. Например, если с кем-нибудь случается психогенное головокружение; ощущение останавливается на своеобразном качестве этого расстройства иннервации и воспринимает все

его качества, его интенсивность, его течение во времени, образ его возникновения и изчезновения со всеми подробностями, нисколько не подымаясь выше этого и не доходя до его содержания из которого исходит расстройство. Для интуиции, наоборот, ощущение служит только поводом для немедленной деятельности, она старается заглянуть за него и тотчас воспринимает внутренний образ, который вызвал выражающее явление, а именно головокружение. Она видит образ падающего человека, которого стрела поразила в сердце. Этот образ очаровывает интуитивную деятельность, она останавливается на нем и старается собрать сведения о всех его подробностях. Она прочно удерживает образ и с живейшим участием констатирует, как этот образ изменяется, развивается и наконец исчезает. Таким образом, интровертированная интуиция воспринимает все явления глубины сознания почти с такой же отчетливостью, как экстравертированное ощущение внешние объекты. Поэтому для интуиции бессознательные образы получают достоинство вещей или объектов. Но так как интуиция исключает совместное действие ощущения, то она не получает или получает лишь недостаточные знания о расстройствах иннервации, о влиянии на тело через бессознательные образы. Благодаря этому образы кажутся оторванными от субъекта и существующими сами по себе, без отношения к личности. Вследствие этого в ранее приведенном примере случая головокружения с интровертированным интуитивным ему не придет мысль, что воспринятый образ может иметь какое-нибудь отношение к нему самому. Производящей суждения установке это, конечно, кажется почти немыслимым, но, несмотря на это, является фактом, который я часто наблюдал у этого типа.

То замечательное безразличие, которое экстравертированный интуитивный проявляет по отношению к внешним объектам, проявляет также интровертированный по отношению к внутренним объектам. Так же как экстравертированный интуитивный беспрестанно чувствует новые возможности, идет за ними, не заботясь ни о своих, ни о чужих благополучии и несчастиях, не считаясь с человеческими соображениями, бросает их и в вечной страсти к изменению снова разрушает едва построенное,— так интровертированный, в погоне за всеми возможностями дающего побеги бессознательного, идет от образа к образу, не устанавливая связи явления с собою. Как для того, кто только ощущает мир, мир никогда не становится моральной проблемой, так и для интуитивного мир образов никогда не становится моральной проблемой. Как для одного, так и для дру-

того он является эстетической проблемой, вопросом восприятия, «сенсацией». Таким образом, от интуитивного ускользает сознание своего телесного существования и его действие на других. Экстравертированная точка зрения сказала бы о нем: «действительность не существует для него, он предается бесплодным мечтаниям». Созерцание образов бессознательного, которое проявляет творческую силу в неисчерпаемой полноте, бесплодно, конечно, только в смысле непосредственной пользы. Но поскольку эти образы возможностей являются представлениями, которые в данном случае могут придать энергии новый уклон, то и эта функция, которая наиболее чужда внешнему миру, необходима в психической совокупности, так же как соответствующий тип должен иметь место в психической жизни народа. Израиль не имел бы своих пророков, если бы не существовал этот тип. Интровертированная интуиция постигает образы, которые происходят из a priori, т. е. вследствие наследования, существующих основ бессознательного духа. Эти архетипы, сокровеннейшая сущность которых недоступна опыту, представляют осадок психического функционирования ряда предков, т. е. собранные миллионами повторений и сгущенные в типы опыты органического бытия вообще. В этих архетипах поэтому представлены все опыты, которые с древнейших времен происходили на этой планете. Они тем отчетливее в архетипе, чем чаще и интенсивнее они были. Этот архетип является, если выразиться по Канту, как бы ноуменом образа, который интуиция воспринимает и проявляет в восприятии. Так как бессознательное не есть нечто просто покоющееся, как психический caput mortuum, но является скорее чем-то, что живет одновременно с сознанием и испытывает внутренние изменения, которые находятся во внутреннем отношении ко всему происходящему вообще, то интровертированная интуиция через восприятие внутренних процессов сообщает известные данные, которые могут иметь громаднейшую важность для понимания всего происходящего: она может даже более или менее ясным образом предвидеть новые возможности и то, что в дальнейшем действительно произойдет. Ее пророческое предвидение объяснимо из ее отношения к архетипу, который представляет закономерное завершение всякой познаваемой опытом вещи.

9. Интровертированный интуитивный тип.

Своеобразие интровертированной интуиции создает также, когда она достигает преобладания, человека своеобразного типа, а именно

с одной стороны мистического мечтателя и ясновидца, а с другой — фантаста и художника. Последний случай должен был бы быть нормальным, так как у этого типа имеется склонность ограничиваться воспринимающим характером интуиции. Интуитивный обычно остается при восприятии, самой высокой его проблемой является восприятие и — поскольку он является продуктивным художником — претворение восприятия в образы. Но фантаст довольствуется созерцанием, через которое он себя проявляет, т. е. детерминирует. Углубление интуиции, конечно, чрезвычайно отдаляет индивидуум от осязаемой действительности, так что он становится загадкой даже для непосредственно его окружающих. Если он художник, то его искусство возвещает необыкновенные, отдаленные от мира вещи, которые кричат всеми красками и которые являются в одно и то же время значительными и банальными, прекрасными и гротеском, возвышенными и причудливыми. Если он не художник, то он часто является непризнанным гением, забытой величиной, своего рода мудрым полудураком, персонажем «психологического» романа.

Хотя делать восприятие моральной проблемой не является обыкновением интровертированного интуитивного типа, так как для этого необходимо известное усиление производящих суждение функций, но все таки достаточно уже относительно незначительного дифференцирования суждения, чтобы перевести созерцание из области эстетического в область морального. Отсюда происходит разновидность этого типа, которая существенно отличается от его эстетической формы, но, несмотря на это, характерна для интровертированного интуитивного. Моральная проблема возникает тогда, когда интуитивный ставит себя в связь со своим видением, когда он не довольствуется больше одним созерцанием и его эстетической оценкой и воплощением в образы, но приходит к вопросу: какое это имеет значение для меня или для мира? что из этого следует для меня или для мира в смысле долга или задания? Чистый интуитивный, который подавляет свое суждение или держит его вдали от восприятия, по существу никогда не приходит к этому вопросу, потому что его вопрос состоит только в том, как происходит восприятие. Поэтому он находит моральную проблему непонятной или даже нелепой и насколько возможно удаляет мышление от того, что он видит. По другому поступает морально установленный интуитивный. Он занимается значением своего видения, он менее заботится о его дальнейших эстетических возможностях, чем о его возможных

моральных воздействиях, которые возникают для него из значения его содержания. Его суждение дает ему понять — часто, конечно, только неясно, — что он, как человек, как целое, как-то входит в свое видение, что оно является не только чем-то, что можно созерцать, но также может иметь некоторое значение для жизни субъекта. Благодаря этому знанию он чувствует себя обязанным претворить свое видение в своей собственной жизни. Но так как в самом главном он основывается только на видении, то его моральная попытка становится односторонней; он делает свою жизнь символичной, хотя приспособленной к внутреннему вечному смыслу происходящего, но не приспособленной к современной фактической действительности. Этим он лишает себя возможности воздействовать на тех, которым он остается непонятным. Его язык не тот, которым вообще говорят, но слишком субъективный. Его аргументам не хватает доказующей силы. Он — голос проповедника в пустыне.

Интровертированный интуитивный чаще всего подавляет ощущение объекта. Этим отличается его бессознательное. В бессознательном возникает компенсирующая интровертированная сенсорная функция архаического характера. Бессознательную личность поэтому легче всего описать, как экстравертированный сенсорный тип низшего примитивного рода. Импульсивность и отсутствие меры являются свойствами этого ощущения вместе с исключительной связанностью с впечатлением органов чувств. Это качество компенсирует тонкую воздушность сознательной установки и придает ей некоторую тяжесть, препятствуя этим полному «сублимированию». Но если, благодаря насильственному преувеличению сознательной установки, наступает полное подчинение внутреннему восприятию, то бессознательное становится в оппозицию и появляются навязчивые восприятия с чрезмерной связанностью с объектом, которые оказывают противодействие сознательной установке. Невроз принимает форму невроза навязчивости, симптомами которого являются частью ипохондрические явления, частью гиперэстезия органов чувств, частью навязчивые связи с определенными лицами или другими объектами.

10. Общий обзор иррациональных типов.

Оба выше описанные типы почти недоступны для внешнего рассмотрения. Так как они интровертированны и вследствие этого имеют незначительную способность и склонность к выражению, то они дают очень мало руководящих данных для верного суждения.

Так как главная их деятельность направлена внутрь, то снаружи видны только сдержанность, скрытность, безучастие или неуверенность и повидимому необоснованная застенчивость. Если что-нибудь выражается, то это является косвенными проявлениями неполноценных и относительно бессознательных функций. Выражения такого рода вызывают, конечно, предубеждение окружающих против этого типа. Вследствие этого их по большей части недооценивают или по меньшей мере не понимают. В той мере, в какой эти типы не понимают самих себя, потому что им в значительной мере не хватает именно суждения, они также не могут понять, почему они постоянно недооцениваются общественным мнением. Они не понимают, что их идущие кнаружи действия в действительности не обладают необходимыми качествами. Их взор очарован богатством субъективных событий. То, что всегда происходит, так увлекательно и так полно неистощимой прелести, что они совсем не замечают, что то, что они об этом сообщают окружающим, обычно заключает в себе только очень мало того, что они сами переживают в связи с этим внутри себя. Отрывочный и по большей части только эпизодический характер их сообщений ставит слишком высокие требования пониманию и готовности окружающих; к этому же их сообщению не хватает присущей объекту теплоты, которая одна только обладает силой убеждения. Напротив, эти типы очень часто внешне ведут себя грубо и пренебрежительно, хотя они этого совсем не сознают и не намерены этого делать. Об этих людях судили бы более справедливо и их окружили бы большей снисходительностью, если бы знали, как трудно передать понятным языком результаты внутреннего созерцания. Но все таки это снисхождение не должно итти так далеко, чтобы вообще избавить их от требования сообщать свои переживания. Для таких типов это было бы величайшим вредом. Сама судьба приготовляет им, быть может, чаще, чем другим людям, требующие преодоления внешние трудности, которые могут их отрезвить от упоения внутренним созерцанием. Но часто, для того чтобы наконец вынудить у них человеческое средство общения, должна встретиться большая нужда.

С экстравертированной и с рационалистической точки зрения, эти типы, пожалуй, самые бесполезные из всех людей. Рассматриваемые с более высокой точки зрения такие люди служат живым доказательством того факта, что богатый и подвижной мир и его полная и опьяняющая жизнь существуют не только снаружи, но и внутри. Конечно, эти типы являются односторонними проявле-

ниями природы, но они поучительны для того, кто не дает ослепить себя любой духовной модой. Люди такой установки—двигатели культуры и воспитатели в своем роде. Их жизнь учит большему, чем они говорят. Мы понимаем из их жизни и, быть может, очень много из самого большого их недостатка — отсутствия способности общения — одну из самых больших ошибок нашей культуры, а именно сильную веру в слова и изложение, безмерную переоценку обучения словами и методами. Ребенку, конечно, импонируют высокие слова родителей. Но даже начинают как будто верить, что этим воспитывают ребенка. В действительности ребенка воспитывает то, чем родители живут, а то, что родители прибавляют к этому словесными жестами, чрезвычайно запутывает ребенка. Это же касается и учителя. Но в методы верят так сильно, что, если только метод хорош, то кажется, что и учитель, который им пользуется, освящается им. Неполноценный человек никогда не бывает хорошим учителем. Но он скрывает свою вредную неполноценность, которая тайно отравляет ученика, за прекрасной методикой и настолько же блестящей способностью интеллектуального выражения. Конечно, ученик зрелого возраста не требует большего, чем знания полезных методов, потому что он уже изнемогает под тяжестью общей установки, которая верит в победоносный метод. Он уже узнал, что лучший ученик,—это самая пустая голова, которая хорошо умеет машинально следовать методу. Все окружающие его словами и своим образом жизни говорят ему, что всякий успех и всякое счастье находятся во внешнем мире, и что нужны только правильные методы, чтобы достигнуть желаемого. Или, быть может, жизнь его религиозного учителя показывает ему то счастье, которое сияет из богатства внутреннего содержания? Конечно, иррациональные интровертированные типы, как учителя, не являются совершенными людьми. Им нехватает разума и этики разума; но их жизнь учит другим возможностям, отсутствие которых наша культура дает чувствовать мучительным образом.

11. Заключение.

Предыдущими описаниями я совсем не хотел произвести впечатления, будто эти типы часто встречаются in praxi в такой чистоте. Это некоторым образом только фамильные фотографии Гальтона (Galton), которые накопляют и тем непропорционально выдвигают общие и потому типичные черты, в то время как индивидуальные черты также непропорционально сглаживаются. Точное

исследование индивидуальных случаев доказывает неоспоримо закономерный факт, что рядом с наиболее дифференцированной функцией в сознании всегда имеется и относительно детерминирует вторая, второстепенного значения и поэтому менее дифференцированная функция. Повторяя это для ясности еще раз, скажем: сознательными могут быть продукты всех функций; но мы тогда только говорим о сознательности функций, когда не только ее действие находится в распоряжении воли, но когда и ее принцип служит руководством для ориентирования сознания. Но последнее бывает тогда, когда мышление, например, не является хромающим вслед за обдумыванием и пережевыванием, но когда его способность заключения обладает абсолютной действительностью, так что логическое заключение в каждом данном случае служит мотивом, как и гарантией практической деятельности, не нуждаясь в какой-нибудь другой очевидности. Это абсолютное преимущественное положение эмпирически всегда принадлежит только одной функции и может принадлежать только одной функции, так как настолько же самостоятельное вмешательство другой функции необходимо вызовет другую ориентировку, которая, по крайней мере частично, будет противоречить первой. Но так как всегда иметь ясную и однозначущую цель — является жизненным условием для сознательного процесса приспособления, то естественно исключается равное расположение второй функции. Вторая функция может, поэтому, иметь только второстепенное значение, что эмпирически постоянно и подтверждается. Ее второстепенное значение состоит в том, что она не считается в каждом данном случае единственно и абсолютно надежной и решающей, как главная функция, но скорее принимается во внимание как вспомогательная и дополнительная функция. Второстепенной функцией, конечно, может быть только такая функция, сущность которой не является противоположностью главной функции. Например, рядом с мышлением второй функцией никогда не может быть чувствование, так как его сущность находится в слишком сильной противоположности к мышлению. Мышление должно тщательно исключать чувствование, если только оно хочет быть действительным, верным своему принципу мышлением. Это, конечно, не исключает того, что существуют индивидуумы, у которых мышление стоит на одной высоте с чувствованием, при чем оба обладают одинаковой сознательной мотивирующей силой. Но в таком случае дело идет не о дифференцированном типе, но об относительно неразвитом мышлении и чувствовании. Равномерная созна-

тельность и бессознательность функций является поэтому признаком примитивного состояния духа.

Вторичная функция, согласно опыту, всегда такова, что ее сущность является иной, но не противоположной главной функции, так что, например, мышление, как главная функция, легко может соединяться с интуицией, как вторичной функцией, или так же хорошо с ощущением, но никогда, как уже сказано, с чувствованием. Интуиция, так же как ощущение, не противоположна мышлению, т. е. они не должны необходимо исключаться, потому что мышлению они не подобны по сущности в обратном смысле, как чувствование, которая, как функция суждения, успешно конкуррирует с мышлением, но они являются функциями восприятия, которые оказывают мышлению желанную помощь. Поэтому, как только они достигнут одинаковой с мышлением высоты дифференцирования, они вызовут изменение установки, которая будет противоречить тенденции мышления. А именно они превратят рассудочную установку в воспринимающую. Этим необходимый мышлению принцип рациональности будет подавлен в пользу иррациональности простого восприятия. Вспомогательная функция, поэтому, лишь постольку возможна и полезна, поскольку она служит главной функции, не предъявляя при этом требования на автономию своего принципа.

Всех типов, могущих встретиться в практике, касается основное положение, что они, помимо сознательной главной функции, обладают еще относительно сознательной вспомогательной функцией, которая во всех отношениях отличается от сущности главной функции. Из этих смешений происходят хорошо знакомые картины, например, практический интеллект, который соединен с ощущением, спекулятивный интеллект, который проникнут интуицией, художественная интуиция, которая посредством эмоционального суждения выбирает и изображает свои образы, философская интуиция, которая с помощью сильного интеллекта переводит свое видение в сферу понимания и т. д.

Соответственно сознательному содержанию функций образуется также бессознательное группирование функций. Так, например, сознательному практическому интеллекту соответствует бессознательная интуитивно-эмоциональная установка, при чем функция чувствования подвергается относительно более сильному торможению, чем интуиция. Эта особенность имеет интерес, конечно, только для того, кто занимается практическим психологическим пользованием таких случаев. Для них важно знать об этом. Я часто видел, как врач

тщетно старается, например, у исключительно интеллектуального развить эмоциональную функцию прямо из бессознательного. Такая попытка всегда должна терпеть крушение, так как она означает слишком большое насилие над сознательной точкой зрения. Если насилие удается, то отсюда происходит форменная навязчивая зависимость пациента от врача, только грубое пресекаемое «перенесение», так как насилием пациент лишается точки зрения, т. е. его врач становится его точкой зрения. Но доступ к бессознательному и к наиболее подавленным функциям открывается, так сказать, сам собой и с достаточной охраной сознательной точки зрения, если путь развития идет через вторичные функции, а также, в случае рационального типа, через иррациональные функции. А именно, они придают сознательной точке зрения такую предусмотрительность и способность проникать взглядом за возможное и происходящее, что благодаря этому сознание получает достаточную защиту от разрушительного действия бессознательного. Наоборот, иррациональный тип нуждается в более сильном развитии представленной в сознании рациональной вспомогательной функции, чтобы быть достаточно подготовленным для принятия удара бессознательного.

Бессознательные функции находятся в архаически-анималистическом состоянии. Их выступающие в сновидениях и в фантазиях символическпе выражения представляют по большей части борьбу или выступление друг против друга двух животных или двух чудовищ.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИИ.

Образ.

Когда в этой работе я говорю об образе, то я понимаю под этим не психическое отображение внешнего объекта, а скорее воззрение, которое происходит из поэтического словесного обихода, а именно образ фантазии, лишь косвенно относящийся к восприятию внешнего объекта. Этот образ основывается скорее на бессознательной деятельности фантазии; как ее продукт, он является сознанию более или менее внезапно, приблизительно вроде видения или галлюцинации, не обладая, однако, их патологическим характером, т. е. не обладая принадлежностью к клинической картине какой-нибудь болезни. Образ имеет психологический характер представления фантазии и никогда не имеет quasi-реального характера галлюцинации, т. е. он никогда не становится на место действительности и, как «внутренний» образ, всегда отличается от действительности, воспринимаемой органами чувств. Обыкновенно он никогда не проецируется в пространство, хотя в исключительных случаях он может некоторым образом являться извне. Этот образ явления нужно обозначить как архаический, если только он прежде всего не патологичен, что, однако, ни в каком случае не лишает его архаического характера. На примитивной ступени, т. е. в особенностях ума примитивного человека, внутренний образ не будучи патологичным, легко переносится в пространство, как видение или слуховая галлюцинация.

Хотя обычно образ не обладает действительной ценностью, но при некоторых обстоятельствах он может иметь тем большее значение для душевного переживания, т. е. большую психологическую ценность, представляющую внутреннюю «действительность», которая в каждом данном случае берет перевес над психологическим значением «внешней» действительности. В этом случае

индивидуум ориентируется не на приспособление к действительности, а на приспособление к внутреннему требованию.

Внутренний образ есть комплексная величина, которая составляется из самых различных материалов самого неодинакового происхождения. Но это не конгломерат, а единый в себе продукт, который имеет свой собственный самостоятельный смысл. Образ есть концентрированное выражение всей психической ситуации, а не только или преимущественно одного бессознательного содержания. Хотя он является выражением бессознательных содержаний, но не всех содержаний вообще, а только тех, которые в данный момент констеллированы. Эта констелляция является следствием с одной стороны своевластия бессознательного, с другой — положения сознания в данный момент, которое одновременно возбуждает активность принадлежащих сублимированных материалов и тормозит непринадлежащие. Значение его смысла не может, таким образом исходить только из сознания или только из бессознательного, но только из их взаимного соотношения.

Я называю образ первоначальным[1]), когда он имеет архаический характер. Об архаическом характере я говорю тогда, когда образ имеет явное сходство с известными мифологическими мотивами. В этом случае он с одной стороны выражает преимущественно коллективно бессознательные материалы, и с другой стороны выказывает это тем, что на положение сознания в данный момент влияет не столько личное, сколько коллективное.

Личный образ не имеет ни архаического характера, ни коллективного значения, но выражает лично бессознательное содержание и лично обусловленное положение сознания.

Первоначальный образ, который я в другом месте обозначил также как «архетип»[2]), всегда коллективен, т. е. он является общим, по крайней мере, для целых народов или эпох. Быть может, главнейшие мифологические мотивы всех рас и эпох являются общими; я мог бы указать ряд мотивов греческой мифологии в сновидениях и в фантазиях душевно больных чистокровных негров[3]).

---

[1]) Опираясь на выражение J. Burckhardt'a. Ср. Jung. *Wandl. u. Symb. der Libido,* S. 35.

[2]) Jung. *Instinct and Unconscious.* The Journal of Psychologie, Vol. X, 1.

[3]) Достойный внимания пример архаического образа находится у Jung. *Wandl. u. Symb. d. Lib.,* S. 94 и сл.

Дифференцирование.

Дифференцирование означает развитие отличий, выделение частей из целого. Я употребляю понятие дифференцирования в этой работе, главным образом, по отношению к психологическим функциям. Пока функция в такой мере слита с другой или несколькими другими функциями, — например, мышление и эмоции, или эмоции и ощущение, — что она не может выявиться сама по себе, то она находится в архаическом состоянии, она не дифференцирована, т. е. она не выделена из целого, как отдельная часть, и как таковая не существует сама по себе. Недифференцированное мышление не способно мыслить отдельно от других функций, т. е. к нему постоянно примешиваются ощущения или эмоции, или интуиции; недифференцированное чувствование смешивается, например, с ощущениями или фантазиями, например, сексуализирование (Фрейд) эмоций и мышления в неврозе. Обычно недифференцированная функция характеризуется еще тем, что она обладает свойством амбивалентности и амбитенденции[1]), т. е. всякое понижение заметным образом ведет с собою свое отрицание, из чего происходят характерные торможения в пользовании недифференцированной функцией. Недифференцированная функция слита еще в своих отдельных частях, так, например, недифференцированной способности ощущения вредит то, что смешиваются отдельные сферы органов чувств (Audition colorée), недифференцированному чувствованию, например, — смешение ненависти и любви. Поскольку функция вполне или по большей части бессознательна, она также недифференцирована, но слита в своих частях и с другими функциями. Дифференцирование состоит в отделении функции от других функций и ее отдельных частей друг от друга. Без дифференцирования невозможно направление, так как направление функции, или ее направленность, основано на обособленности и исключении всего непринадлежащего ей. Благодаря смешению с тем, что к ней не относится, становится невозможной направленность; только дифференцированная функция проявляет способность к направлению.

---

[1]) Bleuler. *Die negative Suggestibilität.* Psych. Neur. Wochenschr. 1904, 27/28.

Idem. *Zur Theorie des schizophrenen Negativismus.* Psych. Neur. Wochenschr. 1910, 18/21.

Idem. *Lehrb. der Psychiatrie.* S. 92, 285.

Функция.

Под психологической функцией я понимаю известную, при различных обстоятельствах принципиально остающуюся себе равной форму психической деятельности. Рассматриваемая энергетически, функция есть форма явления либидо, которая при различных обстоятельствах принципиально остается себе равной, приблизительно так же, как физическая сила может быть рассматриваема, как постоянная форма явления физической энергии. В общем я различаю четыре основные функции, две рациональные и две иррациональные функции, а именно мышление и эмоции, ощущение и интуицию. Почему именно эти четыре функции я признаю основными функциями,—я не могу привести оснований a priori, могу только сказать, что такое понимание сложилось у меня в течение многолетнего опыта. Я различаю эти функции друг от друга, потому что они не могут быть сведены одна к другой. Принцип мышления, например, абсолютно отличен от принципа эмоций и т. д. Я принципиально отличаю эти четыре функции от фантазии, потому что фантазия кажется мне своеобразной формой деятельности, которая может проявляться во всех четырех основных функциях. Воля, как и внимание, кажется мне совершенно второстепенным психическим явлением.

Либидо.

Под «либидо» я понимаю психическую энергию[1]). Психическая энергия есть интенсивность психического процесса, его психологическая ценность. Под этим нужно понимать не придаваемую ценность морального, эстетического или интеллектуального рода, психологическая ценность просто определяется согласно своей детерминирующей силе, которая выражается в определенных психических действиях. Под «либидо» я понимаю также не психическую силу,—ошибка, которую часто делали критики. Я не гипостазирую понятие энергии, но употребляю его как понятие для интенсивности или ценности. Вопрос, существует ли специфическая психическая сила или нет, не имеет ничего общего с понятием «либидо». Я употребляю выражение «либидо» часто в одном смысле с выражением «энергия». Основания для того, чтобы называть психическую энергию «либидо», я подробно изложил в указанных в примечании работах.

---

[1]) Jung. *Wandl. und Symbole der Libido,* S. 119.
Idem. *Darstellung der psycho-analytischen Theorie, S. 30 ff.*

СОДЕРЖАНИЕ.

ЦЕНА 75 КОП.

